

МЫ
И
ЧУДО

ТОЛЬКО
ВЕРЬ

ЛИНА МУР

Annotation

Чудеса случаются, даже если в них не веришь. В предверии Рождества Анжелина Эллингтон возвращается в родной городок Бридлингтон, чтобы провести праздник со своей семьей впервые за последние пять лет с её обучения в Америке. Англия встречает её не очень радушно: багаж потерян, письмо на почте с увольнением и к тому же новые финансовые проблемы, с которыми сталкивается её большая семья. Вроде уже пора забыть о том, что чудеса бывают в этом мире. Но женское сердце до последнего будет верить...

Леди Чудо

Лина Мур

Мечты. Мы возводим в своём сознании иллюзию, а затем предаём её. Мы черствеем, становимся циничнее, злее и жёстче. И вселенная отвечает тем же. А если забыть об этом? Если позволить себе жить так, как чувствует сердце? Если разрешить себе ярко представить фантазию и верить в неё? Исполнится она? Ответит ли фортуна взаимностью, одарив своей благодатью? Найдутся ли силы, чтобы верить в нечто волшебное и красивое? Сказка может быть у каждого в жизни, ведь она зависит от нас. Сказка, в которой мир наполнится магией, существующей на планете. Она затянет в иную реальность, которая поможет осуществить всё задуманное. Главное, верить не только разумом, но и сердцем. Любовь любит честность. Так позвольте хотя бы на миг ей проникнуть в вас. Отпускать не захочется...

Сказки. Верите ли вы в них? Ищите ли вы подтверждения этого чуда в нашей жизни? Нет? Отчего? Посмотрите вокруг. Разве не чудо, что вчерашний алкоголик стал примерным мужем и отцом? А болезнь? Даже грипп у того маленького мальчика, остался в прошлом? Вот этот бездомный. Ну же, он улыбается, потому что счастлив быть именно тем, кто он есть. И мои несколько центов помогут ему купить то, что он хочет. Если улыбнуться прохожему, то он улыбнётся в ответ. Неужели не волшебное небо в ночи за пределами Нью-Йорка? А там, где мало искусственного света, можно часами наблюдать за звёздами без усталости. Рождение детей, любовь, счастье, Рождество, — всё это она, сказка, в которой живём все мы. Так почему бы не поверить в чудеса? Они случаются, надо просто увидеть их, не отгораживаться от этого мира, а участвовать в нём.

Наверное, меня посчитают очень глупой и наивной для моих двадцати пяти лет, но я всего лишь хочу верить. Верить в то, что принцы существуют, что зло всегда будет побеждено, а дети найдут своих настоящих и любящих родителей. Я хочу верить, что погибшие люди превращаются в ангелов и смотрят на нас, окружают нас заботой и помогают нам во всём. Почему же это плохо? Потому что люди стали циничней, и для них деньги стоят на пьедестале? Потому что каждый человек думает только о себе, и ему плевать, как скажется его тон на другом? Потому что так принято? А кем принято? Такими же одинокими и потерявшими веру людьми.

И я хочу доказать, что сказки существуют. Это для меня важнее всего на этом свете, словно невидимые силы, питающие меня с рождения. Чем сильнее вера людей, окружающих меня, тем невообразимей становится мир.

К примеру, история про «Снежную Королеву». Цинизм, холодность, отчуждённость — этим всем владеет прекрасная девушка, сотворённая из снега. Красива и утончённа, как снежинка. Одинока, как сама зима. Она заморозила сердца людей, превратив их в осколки льда. Он ранит, он причиняет боль, а люди этого не замечают. С каждым днём пополняют ряды бесчувственных Каев. Не придают значения тому, что бросили на бегу, не заметив слёзы матери, печаль отца, подавленность девушки и утомлённость брата. Найдут ли они свою Герду, ту, что мужественно спасёт от холодной магии Снежной Королевы, растопив сердца своей верой в любовь? А главное, позволят ли, захотят ли они этого?

А мужественный оловянный солдатик, который оказался совершенно не таким, каким его видят читатели. Страх не соответствовать маленькой танцовщице, наблюдать со стороны и любить на расстоянии. Наказание за трусость — испытание на прочность, через что прошёл маленький одноногий солдатик, со своим увечьем и неуверенностью в себе, до последнего. Огонь поглотил его из-за людского решения о его непригодности. Порой и в жизни люди вычёркивают из своей судьбы тех, кто физически неполноценен. Он был марионеткой, безвольной игрушкой, что до последнего не верил в женскую любовь. А когда поверил, было уже слишком поздно. И осталось после него только сердце, оловянное сердце, о котором он забыл. В мире и эта сказка имеет реальность. Сколько людей не решаются на первый шаг из-за вбитых в их голову различий. Но ведь мы одинаковы, пусть у нас разный цвет кожи, разрез глаз, вероисповедание. Каждый из нас закричит, если ему будет больно. Когда поранится, польётся кровь, одинакового цвета у всех, как и кристально чистые слёзы. Станут ли оловянные солдатики, уверенные в своей никчёмности и различиях, по-

настоящему мужественными и решительными?

История о девушке королевских кровей, которую приняли за обманщицу лишь потому, что она под дождём выглядела неподобающе для принцессы. Принц желал именно ту, что будет подходить ему только по званию. А как же любовь? Как же взаимопонимание? Как же доброта и желание радовать своего любимого? Для него это было неважно, как и для многих богатых молодых мужчин. Они хотят блистать, и чтобы рядом с ними была такая же блестящая обёртка, которая порой бывает пустой. Горошина — всего лишь первое испытание, которое пройдёт принцесса, сколько у неё их впереди? Ведь для принца она — всего лишь достойна его. Будут ли они счастливы в будущем, когда сказка закончится? Найдут ли в себе силы жить бок о бок или же принц продолжит поиски достойной? Так ли важны эти испытания для тех, кто любит друг друга? Кто будет вместе и в горе и в радости до конца дней своих? Кто будет почитать своего супруга или супругу несмотря ни на что? Или же в мире остались только красочные обёртки, по которым и судят нас?

Отцовская любовь, что была разрушена одной эгоистичной женщиной, вошедшей в семью с одиннадцатью братьями и одной сестрой. И вновь тяжёлые испытания, чтобы спасти братьев от проклятья, что в нашей жизни именуется приютом. Так легко отец отрёкся от своих детей ради собственной неуверенности и нехватки женской заботы о нём. Но разве дети недостойны ответной любви? Разве они не умеют дарить радость, тепло и необходимое счастье? Умеют, и даже в большей степени, чем взрослые. Ненависть разрушает те сердца, что готовы принять её, не желая бороться с ней, потеряв силу. Но именно любовь к своим братьям, желание подарить им всё, что было в маленьком женском сердце, спасло людей и саму Элизу от страшной участи. Заслужит ли прощение отец у своих детей за свою слабость? Простит ли сам себя за то, что променял настоящую любовь на фальшивую?

А говорят, что сказок не существует. Всё есть в нашем мире, и эти герои, как и другие, проходят мимо нас. Для людей приемлемо? Для меня нет. Что ж тогда я останусь глупой, потому что другого мировоззрения для себя не хочу. Я верю в то, что каждая сказка имеет место быть, но только мы можем решить, как обратить её в будущее, изменить слова и написать новую историю, где ценными будут доброта, любовь и самоотдача. Где чудеса случаются. Где Кай сам желает растопить своё сердце, разглядев в Герде то, что для него необходимо, чтобы дышать. Где оловянный солдатик с врождённым увечьем, будь то даже умственные клише, или наберётся храбрости и мужества идти напролом, добиваться того, о чём мечтает он. Где отец будет любить своих детей, как самого себя, гордиться ими и не позволит ни одному человеку забраться в его сердце и поселить сомнения, чёрную ненависть. Я буду верить в этот мир, другого для себя не хочу.

Декабрь 19

Действие первое

— Да-да, папа, в десять сядет мой самолёт, оттуда отправлюсь на Кинг Кросс, чтобы добраться до Йорка, а затем на поезд до побережья. Не волнуйся, я помню наш адрес, — ставлю на ленту свой огромный чемодан, наполненный подарками для моей семьи, ожидающей меня дома.

— Милая, мы встретим тебя. Мама уже напекла твоих любимых завитушек и пирогов, а малышня — в предвкушении от путешествия. Не каждый день мы едем встречать нашу девочку, — отвечает папа. Улыбаюсь, слыша, насколько его голос наполнен гордостью.

— Хорошо, — киваю я, отдавая паспорт девушке за стойкой. Зажимаю динамик. — Пожалуйста, будьте осторожны с багажом, там очень ценные вещи для меня.

— Тогда я позвоню тебе, как сяду на поезд, — уже обращаюсь к папе, копаясь в сумочке, проверяя, всё ли я взяла.

Из-за несколько рассеянного состояния, связанного с поездкой в Англию, после пяти лет моего отсутствия и только телефонных разговоров, я немного волнуюсь. И поэтому проверяю уже в тысячный раз кошелёк, блокнот с расписанием поездов и выстроенным маршрутом, телефоны своих братьев, сестры и родителей.

— До встречи, родная, я...

Связь обрывается, улыбаюсь, выключая звонок, и прячу телефон в сумочку, забирая свой посадочный талон.

В последний раз я была в аэропорту, когда приехала после вторых недельных летних каникул, больше за пределы Америки я не вылетала, заменяя свою ученическую визу на рабочую в посольстве. Конечно, мне хотелось домой, но я прилетела в город мечты, чтобы найти то, чего мне не хватало дома. Новшества. И я сполна получила его. Возможность окончить университет с отличным аттестатом. Работа нашлась, хотя и не сразу. Прекрасная маленькая адвокатская контора, в которой я числилась третьим секретарём. Но разве это не чудесно? Кому нужны большие здания? У меня же были люди, о которых я знала всё. Слушала рассказы первого секретаря о её внучке и помогала ей связать носочки. А второй секретарь всегда жаловался на жену, но и здесь мы помогли ему увидеть, что она просто любит его и переживает. Маленькие организации ценны намного больше, чем те, где ты даже не знаешь, как зовут того, кто сидит рядом с тобой. Это твой мирок, словно семья, к которой ты возвращаешься каждое утро, иногда задерживаешься, чтобы они успели провести вечер с родными. А порой работаешь все праздники, позволяя им быть в семье. Но этот год был моим, меня насильно отправили в отпуск, и как я подозреваю, даже скоро дадут повышение. Поэтому я решила расплатиться за этот месяц с владелицей комнаты, в которой я жила последние пять лет, чтобы, вернувшись, найти более просторную квартиру, поближе к работе. А какие соседи были у меня прекрасные. Напротив меня жила многодетная семья, их отец, правда, слегка пристрастился к алкоголю, но очень смешил нас в таком состоянии. Да, конечно, криминальность на окраине Нью-Йорка намного выше, чем в других местах, но даже это мне нравилось. Вы только представьте, можно быть героиней какого-нибудь боевика, но даже наши «криминалисты» оказались очень добрыми людьми, со своими фишками. Оружие было настоящим, но они, как рыцари, защищали наши владения. И я всегда могла ходить спокойно ночью по улицам, потому, что за мной каждый день велось

наблюдение, чтобы никто меня не тронул. За это я пекла им печенье, и каждое воскресенье угощала их на улице, пока они планировали какой-то фееричный захват. Взрослые мужчины оказались детьми, что так же, как и я, мечтали о спокойствии и счастье.

— Мисс, простите... вы не могли бы поменяться со мной местами? — За плечо меня трогает девушка. Открываю глаза, моргая и немного ещё не отойдя от дремоты.

— Просто это мой одноклассник, и мы так долго не виделись. И это удивительно, что встретились именно тут, — Продолжает она, кивая мужчине, сидящему рядом со мной в экономклассе повышенной комфортности.

— Конечно, — с улыбкой отвечаю, собирая свои вещи и обмениваясь с ней посадочными талонами.

— Только моё место не так комфортно, как ваше. И там оплачен только один ужин, — говорит девушка, располагаясь на моём месте.

— Ничего, приятного полёта, — с улыбкой произношу я, пробираясь мимо рядов.

Тридцать два А. Прямо у окна и рядом с младенцем на руках у женщины, и ещё одним смешным карапузом, что недовольно сверлит меня взглядом. Улыбаясь ему, прошу прощения за то, что беспокою. Пробираюсь к сиденью, располагаюсь в кресле. Пристёгиваю ремень и с наслаждением смотрю в окно, на облака, что под нами.

Меня не волнует то, что, возможно, девушка соврала мне, потому что её место оказалось хуже, чем моё, и она не любит детей, да и гул здесь в разы больше, чем на моём месте. Если она будет счастлива от этого, на здоровье. Мне несложно предложить свою помощь изнурённой матери, ребёнок которой уже второй час кричит, и она только успевает извиняться на возмущения пассажиров. Это может сделать любой, если немного начнёт думать о ком-то, кроме себя. И мне не жаль отдать свой ужин старшему мальчику, который явно не наелся одной детской пищей вроде баночки с брокколи и булки с маслом. Я подержу и убаюкаю малышку, пока её мама спокойно поест. Мне не мешают громкие разговоры позади меня, чтобы заснуть. У меня нет с этим проблем, потому что совесть моя чиста, а сердце счастливо.

— Простите... — не успеваю я договорить, меня отталкивает от стойки информации мужчина, начиная кричать на бедную сотрудницу аэропорта Хитроу, пытающуюся ему что-то объяснить о правилах выбранной им авиакомпании.

Мой самолёт приземлился уже час назад, и всё это время я сидела в кресле, ожидая свой багаж. И, уже потеряв на это надежду, подошла к стойке, чтобы узнать, что произошло. Ведь все пассажиры, кроме меня, уехали по своим домам. А я до сих пор стою и слушаю, как кричит мужчина. Устав от этого, я встаю в другую очередь.

— Доброе утро, я бы хотела узнать, где мой багаж? Рейс из Нью-Йорка в десять утра, — наконец-то добравшись до девушки, произношу я.

— Минуту, я проверю. Ваше имя? — Услужливо отвечает она в смешной красной шапочке, что вызывает улыбку.

— Анжелина Эллингтон, — она такая миленькая, уставшая очень, вытирает пот, выступивший над губой, и смотрит в компьютер.

— Приносим свои извинения, но ваш багаж отправлен в Париж, — поднимает на меня голову.

— Как? А его можно как-то вернуть... не знаю... — стягиваю свою шапку, запуская руку в волосы.

— Его вернут, не беспокойтесь. Но, скорее всего, уже после праздников. Каждый час у

нас происходит вот такая путаница. Заполните бланк, и мы доставим его по необходимому адресу, конечно же, за наш счёт. Хороших вам праздников, — вручает мне лист и ручку.

— Но... вы не понимаете...

— Следующий! — Громко произносит она, и меня оттесняют от стойки.

— Там подарки для моей семьи и моих племянников, на которые я потратила практически все свои деньги, — тихо договаривая, бреду к креслам, чтобы заполнить бланк.

Слишком дорогое удовольствие отправлять посылкой им подарки, поэтому каждый месяц я переводила небольшие суммы, в качестве благодарности за возможность учиться в Нью-Йорке. И теперь поезд, который я купила в одном из самых дорогих и популярных мест на Пятой Авеню, находится в Париже. Кайл будет рад узнать, что его подарок побывал аж в самой Франции. А мама обрадуется тому, что её кашемировый шарф ещё хранит в себе настроение рождественского Парижа.

Улыбаюсь от этих мыслей, заполняя бланк с адресом, домашним телефоном, потому что мой скоро заблокируют за неуплату. Я найду что подарить своей семье. Совершенно никаких проблем, всё бывает и всему можно найти альтернативу. А какое будет счастье, когда поздние подарочки придут! Они будут в восторге!

— Пап, звоню из автомата. Мой багаж отправили в Париж, представляешь? Мой чемодан совершит волшебную рождественскую поездку, — смеюсь я в трубку, до сих пор находясь в аэропорту, хотя уже полдень.

— Ох, милая, мне так жаль, — сочувственно отвечает отец.

— Ничего, его вернут. Обязательно вернут. Одежду, надеюсь, мне одолжит сестра, а с остальным я что-нибудь придумаю. Я опаздываю на поезд, который запланировала, поэтому буду немного позже. В четыре уеду и доберусь до Бридлингтона уже, скорее всего, к полуночи. Поэтому ложитесь спать, всё хорошо. Я уже в Англии, а отсюда больше некуда лететь...

— Мисс! Скорее! — По будке кто-то стучит, оборачиваюсь, кивая быстро пожилому мужчине.

— Энджел...

— Всё, папочка, мне пора. Люблю тебя, как и всех остальных. До скорого, — вешаю трубку и выхожу из будки, придерживая дверь бурчащему мужчине.

Наверное, у него проблема намного серьёзнее, чем у меня. Да и разве это проблемы? Ни капли. Буду хвастаться, что мой багаж побывал в большем количестве стран, чем я.

Безумно красиво украшен аэропорт, витает дух Рождества, что наступит через шесть дней. И это самое лучшее время года для меня. С детства я так любила ощущение волшебства, что несёт оно с собой. До сих пор это осталось внутри, хоть и выросла, но продолжаю верить в Санту. Если не в Санту, то в кого ещё остаётся верить? Он настоящий супергерой, дарящий всем людям на этой планете частичку своей магии.

За пять лет не особо изменился город, хотя его сложно увидеть в подземке. Сужу по людям. Иммигранты в основном и это ведь тоже очень здорово. Люди едут сюда, чтобы воплощать свои мечты, а я поехала дальше. Нет, я не нашла то, что искала всё это время. Ещё не пришёл тот момент, когда меня одарят подарком судьбы. Но я верю, правда, верю, что мой принц где-то существует. Он необязательно должен быть богат и красив, как супермодель. Для меня он будет принцем, даже бедный, с грустными глазами и недееспособный. Ведь я буду любить его без памяти, и этого хватит, чтобы жить до конца наших дней.

Купив билет на поезд до Йорка, у меня остаётся ещё полчаса, чтобы побродить по

станции. Найти интернет-кафе и купить сэндвич с горячим шоколадом, чтобы мне позволили воспользоваться одним из компьютеров. Конечно, это — не шоколад, а растворённый напиток, но так согревает и какой у него аромат. Наслаждаюсь этим напитком, открывая почту и читая письма от друзей по работе, которые благодарят меня за помощь в оформлении их дома и выборе подарков. Я очень люблю украшать, с детства это стало моей панацеей. Но даже я понимала, что дизайнером быть в наше время очень сложно без серьёзных связей, которых у меня не было, поэтому поступила на юриспруденцию. Когда-нибудь, обещаю, я исполню свою мечту. А пока с радостью помогаю другим сделать их жилища готовыми к празднику.

Щёлкаю на письмо от своего нанимателя и готовлюсь читать поздравления.

От кого: Компания «Келвин и Братья»

Кому: Анжелина Эллингтон

Тема: С наступающим Рождеством. (Прикреплён один файл)

«Уважаемая Анжелина Эллингтон. Ввиду сокращения сотрудников фирмы «Келвин и Братья» мы расторгаем с вами договор от 12.04.2014 г. Приносим свои извинения за предоставленные неудобства в качестве компенсации в размере двух ставок за ваше трудолюбие и отдачу нашему делу

Генеральный директор Келвин Герфорд.»

Слабый вздох вырывается из груди. Перечитываю письмо снова и снова, слёзы скапливаются в глазах. Невероятно. Потерять работу перед Рождеством, когда я ждала повышения. И все эти взгляды, направленные на меня, становятся ясны. Они знали, каждый из них знал, что меня уволят именно в отпуск, зачтя его в двухнедельную отработку перед тем, как отпустить меня. Эти объятия, что подарили мои коллеги, были прощанием. Немного обидно. Делаю глубокий вдох и быстро стираю пальцами слёзы, допивая остывший шоколад, и убирая недоеденный сэндвич в сумку. Открываю прикреплённый файл, где для меня оставлено рекомендательное письмо, как и счёт за два месяца. Но это хорошо, правда? У меня есть деньги на первое время, и, возможно, это именно то, чего я ждала. Возможность попробовать что-то другое, отличное от того, что делала и в другой стране. Да, точно. Это отличная возможность воплотить свои мечты в реальность, спокойно провести Рождество и Новый год с семьёй, а потом расправить крылья. Наверное, Америка не была моей страной, как и Нью-Йорк не город моей мечты.

Закрываю браузер, полностью успокоившись и придя к такому разумному решению. Жалко, конечно, что я не увижу больше никого, но мир наполнен множеством не менее прекрасных людей.

Мой поезд приходит вовремя, и я располагаюсь на своём месте, доставая блокнот и карандаш. Люблю рисовать. Ох, нет, я не художник, скорее это радует меня, просто чиркать на листах, как бы я оформила свою гостиную, если бы у меня такая была. Или какой вид камина я бы выбрала. И я обязательно это сделаю, ведь вся жизнь впереди.

На поезд до побережья я тоже опоздала, поэтому приходится ждать самый последний, отходящий в десять часов вечера. Как раз успею доесть свой остывший сэндвич и купить чай. А всё же Англия в это время года восхитительна. Особенно провинции этой страны. У каждой из них своя история, свои традиции и свой аромат праздника. Даже забыла,

насколько я любила родные места. Забыла, как приятно оказаться в обшарпанном поезде, что везёт меня домой, смотреть в окно и наслаждаться снегом, который так редок в Нью-Йорке. Именно снег, а не грязь и слякоть. Ослепительно белые холмы из переливающихся магических снежинок, озаряемых лунным светом. И как здесь не поверить в волшебство? Оно реально и среди нас, надо только увидеть.

— Энджел! — Голоса сливаются, едва я выхожу на платформу.

Моя огромная семья, по которой скучала все эти годы, без которых жила и представляла эту встречу совсем иначе, уже бежит ко мне. Папа, немного располнел за это время, но остался таким же голубоглазым добряком с шершавыми горячими руками. Мама, ростом я пошла в неё, миниатюрная шатенка с блестящими от слёз глазами, её объятия и аромат домашней выпечки. Мой старший тридцативосьмилетний брат, вечно молодящийся и отпускающий непристойные шуточки, любящий пожёвывать гвоздику. Его миловидная светловолосая жена Кэрол и двое их сыновей. Тридцатитрёхлетний брат с его беременной женой и их первенец малышка Эбби. Сестра, так похожая на отца, старше меня на пять лет, тоже ожидающая прибавления впервые, с мужем. И мой последний брат всего на два года меня старше, проказник до сих пор. Они обнимают меня, буквально заваливают и висят на мне. Теряюсь в их руках, криках, слезах, и сама плачу от счастья, что затапливает меня до кончиков волос. Не могу оторваться, продолжаю обнимать их, как и они меня. Говорят мне что-то наперебой, а я утираю слёзы, свои, мамины, сестры, папы.

— Всё, будем плакать уже дома. Уже час ночи, наша Энджел устала от такой дальней дороги, — обрывает всех папа, обнимая меня за талию, а с другой стороны, мама, целует в висок.

— Только твой чемодан мог сделать от тебя ноги, сестрёнка, — смеясь, Айзек идёт лицом к нам.

— Он, правда, в Париже? — Перебивает его мой старший племянник Конрад.

— Да, но, главное, что я добралась, — отвечая, забираюсь в фургончик отца, а остальные члены нашей семьи по своим машинам.

Моя рука дотрагивается до разорванной ткани, это мы с Айзеком, как самые младшие постоянно были негодниками. Решили запустить фейерверки прямо в папиной машине, когда мне было пять, а ему семь. Конечно, мы не понимали, что делаем, и получили наказание — расчищать соседский двор. И это осталось до сих пор, как воспоминание, насколько мы были счастливыми.

— Как прошёл полёт, родная? — Спрашивает мама, повернувшись ко мне с переднего сиденья.

— Хорошо, даже очень хорошо. Со мной рядом сидела женщина с такой хорошенькой девочкой, ей восемь месяцев, и они летели впервые к своему папе. А вот её брат косо поглядывал на меня, пока я держала её. Думал, наверное, что заберу, потому что влюбилась с первого взгляда, — со смехом рассказываю.

— Ты одна? Нам больше никого не ожидать? — Интересуется, как бы между прочим, Донна, поглаживая свой едва округлившийся живот.

— Одна, и нет, кроме меня, к вам никто не приедет в гости. Придётся довольствоваться малым, — продолжая улыбаться, отвечаю.

— Пора бы уже, Энджел...

— Донна, хватит. Оставь сестру в покое. Она едва успела сойти с трапа, так ты начинаешь, — обрывает папа сестру.

— Я просто пока не нашла того единственного, — пожимая плечами, поворачиваюсь к окну.

Господи, спасибо тебе за эту возможность увидеть мой город таким, каким я запомнила его. Домики, стоящие слишком близко друг к другу, море, бушующее недалеко. Дом. Ничто не сравнится с этим ощущением. Я дома и душа может успокоиться, насытиться этим чувством, чтобы начать новую жизнь, которую пока не могу себе представить.

Когда я была маленькой, то наш дом мне казался очень большим. Огромным, я бы даже сказала. А сейчас, стоя на расчищенной дорожке и смотря на украшенный фасад, не могу перестать удивляться: как мы все помещались в нём и как будем помещаться? Ведь мои братья и сестра с их вторыми половинками и детьми тоже здесь живут. Замечаю отремонтированный гараж, проходя мимо него, освежённую краской лестницу и перила.

— Ну же, милая, входи, — предлагает мама.

Один шаг, и я превращаюсь в маленькую девочку, которая уехала отсюда, кажется, так давно. И ничего не изменилось внутри. Узкая лестница, ведущая на второй этаж, сверкающая огоньками. Холл и справа гостиная, где стоят коробки с рождественскими украшениями. Наши фотографии на камине, носки и мебель. Всё осталось на тех местах, что я запомнила. А чуть левее столовая и кухня, оттуда чулан и лестница в погреб. Оглядываюсь и так тепло внутри. Только когда я стала сама заботиться о себе, зарабатывать и кормить себя, осознала, как сложно было моим родителям поддерживать дух веселья и праздника в нашей семье. И они улыбались всегда, что бы ни происходило. Такой же выросла и я.

— Давай свой пуховик, — с меня буквально стягивает папа верхнюю одежду, как и шапку с шарфом. Сестра толкает на диван и в руках у меня уже чашка с шоколадом, настоящим шоколадом, который варит моя мама.

Оказываюсь в кругу своей семьи, что с возбуждением смотрит на меня, а я стыжусь того, кем я вернулась. Но всё будет, я верю в это. Всё будет хорошо.

— Как Америка? — Первым спрашивает мой старший брат Фрэнк.

— Стоит, — нервно издаю смешок и отпиваю согревающего напитка.

— Ты такая худая. Это модно? — Интересуется Донна.

— Да, модно, — не скажу же им, что питаюсь не так хорошо, как они думают. Что экономлю на всём, только бы им прислать лишние сто долларов.

— Ты смотри не исчезни совсем, — смеётся Питер, второй брат.

— Ну, хватит, мальчики. Наша Энджел, наверное, устала, как и вашим детям пора спать. Завтра, если вы не забыли, всем на работу, — мама ударяет братьев полотенцем по плечам. Улыбаюсь, как дети, мы такими для родителей и остались.

— Мы устроим тебя внизу. В подвале. Расчистили там всё и поставили печку, взяли в аренду раскладушку. На втором этаже спят дети Фрэнка и Питера. Там же и их родители. Отец достроил немного дом и там живёт твоя сестра с мужем. Мы на первом этаже, а Айзек поспит на диване. Пойдём, — мама, обнимая меня за талию, ведёт к двери и, щёлкнув выключателем, мы спускаемся по скрипучей лестнице, оказываясь в маленьком и заставленном коробками помещении.

— Я так рада, моя дорогая Энджел, что ты дома, — под эмоциями, мама обнимает меня. Закрываю глаза, улыбаясь и гладя её по спине.

— Я тоже. Здесь ничего не изменилось практически. Уверена, что вон в той коробке до сих пор лежит моя детская одежда, а вон та наполнена нашими поделками, — указываю на каждую из тех, что упоминаю. Смеётся от моих слов, кивая мне.

— Одежда Донны тебе будет велика, поэтому я положила тебе свою. Надо будет зайти к Марвеллам и присмотреть для тебя что-то, пока багаж не вернут, — задумчиво произносит

она.

— О, не волнуйся, завтра решу это. Я только не успела снять деньги со своей банковской карточки. У вас поставили банкоматы? — Интересуюсь я, подходя к раскладушке и расправляя одеяло.

— Да, есть банк, как и раньше. Но мы ведь не пользуемся этими новшествами, поэтому не знаю. Надо будет уточнить у мальчиков.

— Донна до сих пор преподаёт? — Спрашиваю, садясь на раскладушку.

— Да, у нас ничего не изменилось, родная. Недавно понизили в должности Фрэнка, пригласили иностранных работников, считая, что человек без высшего образование не имеет права быть руководителем.

— Какая жалость. Они совершенно не понимают, что наш Фрэнк очень умный и усердный без всех этих бумажек. Люди даже с образованием бывают намного глупее его, — печально замечаю я.

— Да, но мир меняется. И ты у нас единственная, кто получил высшее образование. Мы так гордимся тобой, доченька, — мама садится рядом, обнимая меня.

Улыбаюсь, хотя в душе сумятица, не могу признаться, что сама потеряла работу. Не сейчас, для начала найду другую, а потом обрадую их.

— А что-нибудь грандиозное планируется к Рождеству? — Меняю тему, заведомо зная, что мама тут же начнёт рассказывать о каждом празднике, который я пропустила.

— Как обычно, Энджел. В городе на площади устроим ярмарку, танцы и песни, расставим столы, как и раньше начиная за три дня до праздника. А в канун Рождества все вместе отправимся в церковь. Боюсь, что в этом году будет мало народу, — грустно улыбается она.

— Почему? Многие разъехались? — Удивляюсь, поднимаю на меня голову, едва качая ей.

— Нет. Последние четыре года замок Беррингтон имеет постояльцев. Поначалу это был отель, а в этот год там будет самая громкая свадьба за последнее тысячелетие, наверное. Там работает большинство, и в Рождество они устраивают предсвадебный бал, а сама свадьба на следующий день. Задействовано много наших жителей и платят там приличные деньги. Айзек устроился туда шофёром, а Кэрол работает на кухне. Конечно, с теми деньгами, что присылала ты, это не сравнится. Но поможет нам немного поправить наше финансовое положение.

— А есть какие-то проблемы? — Напряжённо смотрю на маму, тяжело вздыхающую из-за моего вопроса.

— Небольшие. Осенью твой отец сломал ногу, она срослась неправильно. Пришлось взять ссуду в нашем банке, чтобы отправиться в Лондон и сделать операцию.

— О, господи! Почему же вы мне об этом не сказали? Я бы прислала ещё! — Возмущаюсь, подсакивая с места.

— Девочка моя, это наши проблемы. А ты должна жить своей жизнью, — мягко успокаивает меня мама, вставая, берёт мои руки в свои.

— Но ведь вы моя семья, и я бы не потратила такие деньги на подарки, которые сейчас в Париже, — вглядываюсь в тёплые глаза матери.

— Милая, ты должна тратить деньги на то, что ты захочешь. Ты и так много для нас делаешь. Это нам помогло взять не такую большую ссуду в пять тысяч фунтов, осталось оплатить половину. Со следующего года будут проценты, но это тоже ничего. Мы

справимся, — заверяет меня.

— У меня есть деньги. Мне прислали отпускные и праздничный оклад. Я сниму их, или мы переведём на счёт банка. Завтра же, — твёрдо произношу я.

— Энджел, мы не можем...

— Должны. Мама, прошу тебя, хуже кредитов ничего нет. Эти проценты будут выше, чем вы думаете. Тем более я уж знаю все эти банковские аферы. Поэтому без пререканий, завтра мы пойдём в банк и посмотрим, что у вас там. Вы должны были сказать мне.

— Завтра это и обсудим, хорошо? На семейном совете, как и раньше, — похлопывает меня по рукам, и это означает, что не примут мою помощь.

— Никакого совета, мама. Завтра утром мы отправимся в банк с папой...

— Ссуду брал Питер, — перебивает меня, обходя и поднимаясь по лестнице.

— Значит, Питер пойдёт со мной, — говорю ей в спину.

— Не думай об этом, я просто рада, что моя девочка дома. Доброй ночи, Энджел, — оборачивается, посылая мне воздушный поцелуй, и закрывает дверь.

Вздыхаю, падая на кушетку. Главное, что папа сегодня здоров и операция помогла. А деньги мы найдём, придётся отыскать здесь интернет-кафе и разослать своё резюме хотя бы по Лондону. Везде, где я пригожусь, буду работать. Я улетела, чтобы получить образование, и теперь должна отплатить своим родителям за доброту, за понимание моих желаний и возможность быть образованной. Никто из нашей семьи не оканчивал университет, только школу и колледж. И то Питер и Фрэнк окончили колледж, Айзек решил, что ему и так хорошо. У нас маленький городок, а ехать в Лондон дорого. Мы живём здесь обособленно, и все друг друга знают. Хотя у отца есть своя слесарная мастерская. Отчего же так всё плохо?

Из-за смены часового пояса не могу уснуть, да и проголодалась. Под моими шагами раздаётся скрип, иду на носочках и выглядываю в коридор. В доме темно, значит, все спят. Вхожу в гостиную и не вижу брата, только разбросанные постельные принадлежности. Иду на кухню, наливая себе горячий чай, замечаю движение за окном. Отставив кружку, быстро набрасываю на себя свой пуховик и влезая в угги, выходя на улицу. Никого, наверное, показалось. Запахи пуховик и вдыхаю морозный воздух. Сколько снега здесь, как в сказке. Забылось, насколько громко и приятно он хрустит под ногами. Улыбаюсь, ходя кругами и слушая приятную музыку зимы.

— И чего ты не спишь? — Раздаётся голос брата.

Оборачиваюсь, встречаясь с Айзеком, несущим дрова и укладывающим их на порог.

— Не знаю. Проголодалась, да и время... пока не привыкла, — пожимаю плечами, подходя к нему и отряхивая сапоги от снега.

— До сих пор здесь качели, — указывая на витиеватое сооружение, подхожу к нему.

— Да, дети пару раз с корнем отрывали прутья, но отец чинил, ведь ты их так любила, — облокотившись о перила, отвечает брат.

— Папа, — улыбаюсь, садясь на них и накрывая ноги холодным пледом.

— Ты не изменилась, Энджел. Мы ожидали встретить дамочку на каблуках, каких показывают по телевизору. А ты такая же, как и раньше, — смеётся Айзек, садясь рядом со мной на качели.

— От них сильно устают ноги, да и быстро идти в них невозможно, тем более по снегу. Я практичная, — пожимаю плечами.

Молчим, а раньше мы болтали без умолку. Делились всем, а эти пять лет словно преграда. Боимся друг друга и это печалит меня.

— Айзек?

— Да, — поворачивается ко мне, являя милые ямочки на щеках.

— Скажи, насколько плохи наши дела? — Решаюсь задать ему этот вопрос. Он никогда не лгал мне, иногда я обижалась на его правду, но сейчас она необходима.

Отворачивается, играя скулами на лице.

— Очень плохи. Отец закрыл мастерскую два года назад. Ему подыскать работу очень сложно, и когда он нашёл её, то разгружал корабли, что приходят иногда в порт, поскользнулся и сломал ногу. Нам сразу сказали — необходима операция, а у нас таких хирургов нет. Но он думал, что всё обойдётся. Ни черта не вышло. Они взяли ссуду на десять тысяч. Дорогостоящее лечение в Лондоне, а ему необходимо было сделать две операции, поставить какие-то железки в ногу и пролежать там две недели. И то тянули они долго, пока Питер не настоял и не заставил их поехать туда. Теперь мы выплачиваем её.

— Мама сказала, что пять, — недоуменно говорю я, пряча руки под пледом.

— Она хочет, чтобы ты думала — мы живём хорошо. То, что присылала, ушло на ремонт дома, да и крышу не заменили, она течёт. Сделали пристройку, ведь всё семейство Эллингтонов должно жить под одной крышей. И никак иначе. Традиция. Но нас слишком много, дом скоро просто лопнет от всех нас, — встаёт, упираясь ладонями в перила.

— И ты зол, да? — Тихо произношу я, поднимаясь с качели и подходя к нему.

— Нет, Энджел, может быть, и да. Просто не понимаю, почему братья не могут купить себе дом рядом. У нас не такие высокие цены, да и раньше зарабатывали они прилично. Я так хотел уехать, как ты. Хотел получить образование, но знал, что без меня они тут в эльфов превратятся и будут питаться воздухом. Ты же знаешь отца, да и Фрэнк недалеко ушёл. Потомство — вот признак настоящего мужчины и счастья. Но посмотри на них, Эндж, они ютятся в комнатухах и спят по трое, зато все вместе, — поворачивает ко мне голову и вижу в его голубых глазах несоразмерную печаль.

— Милый мой, они счастливы от этого. Так позволь им выбирать то, что они хотят. Мы все выросли, и каждый из нас сам знает, чего он хочет. И ты волен уехать, как только я разберусь и найду работу... ох, — жмурюсь, понимая, что выдала себя.

— Ты что? — Повышает голос брат.

— Тише, Айзек, пожалуйста, тише, — прошу его, распахивая глаза, умоляюще смотря на него, а затем прислушиваюсь, лишь бы никто не проснулся.

— Ты потеряла работу, Энджел? Но почему? Тебя уволили? — Свистящим шёпотом спрашивает он.

— Да. По прилёте в Лондон прочитала письмо, но мне заплатили гонорар за два месяца. Сейчас у меня на счету чуть больше тысячи долларов, и мне надо перевести их в фунты. Я отдам их, найду что-нибудь. Это ничего, Айзек, — уверяю его, улыбаясь от своих слов.

— Боже, сестрёнка. Почему тебя уволили? — Вздыхает он, сочувственно глядя меня по волосам.

— Сокращение, но я уверена, что следующее место будет лучше. И я приняла решение не возвращаться в Америку, возможно, сама судьба мне подсказывает, что моё место не там.

— Ты до сих пор веришь в судьбу? — Изумляется он.

— Да, я верю. Верю в то, что для каждого из нас предначертан свой путь. И мой лежал домой. Нет, я не планирую здесь оставаться, буду искать место в Лондоне. Как только всё наладится, ты приедешь ко мне и пойдёшь учиться.

— Это лишь мечты, Энджел. Да я уже не в том возрасте, чтобы быть студентом, —

усмехается он, отворачиваясь от меня.

— Брось, тебе всего двадцать семь. Мечтам свойственно сбываться, Айзек, надо просто сильно-сильно хотеть этого, — кладу руку на его плечо.

— Ты слишком добра к этому миру, сестрёнка. Он не заслуживает этого, — хлопывает меня по руке.

— Каждый заслуживает доброты, чтобы он не сделал. Возможно, именно этого им и недостаёт. А со ссудой мы разберёмся, я хотела бы посмотреть документы и понять, какой у вас сейчас бюджет. Мама рассказала, что замок снова принимает гостей.

— Да, хоть тут повезло. Там каждый день требуется всё больше и больше работников. Лорд Марлоу вернулся в замок год назад, когда его сын погиб. Автокатастрофа, так говорят, сорвался с обрыва здесь недалеко. Это место было последним, где жил его сын. Он очень любил его, раз так сильно переживает потерю. Запретил сдавать комнаты и закрыл его.

— Какой ужас, — шепчу я.

— Это да, многие из наших остались на улице, едва сводили концы с концами, когда иностранцы у нас шиковали. Ты же знаешь, как мы не любим чужаков. Город снова опустел, и мы вздохнули отчасти спокойно, пока не вернулась его жена. Леди Марлоу. Это она придумала превратить замок в гостиницу, а сама вроде как путешествовала, да и за этот год только проверяла финансовые отчёты, оставаясь тут на пару-тройку дней.

— Невероятно, настоящие лорд и леди, — улыбаюсь я.

— Она отвратительная, — кривится брат.

— Айзек! Нельзя так говорить, — не могу сдержать улыбки, но всё же возмущаюсь, ударяя его легко по спине.

— Правда, Энджел. Она такая надменная, как и её сын. Прямо королева сама, всё ей не так, всё ей не нравится. То холодно, то дровами воняет, то пальчик испачкала. Я работаю там шофёром, иногда помогаю разгружать коробки с едой и прочей ерундой. И видел её несколько раз, когда отвозил до аэропорта в Йорк, у неё личный вертолёт, видите ли, до Лондона она не путешествует, как все люди. Она даже не здоровается, а мы, как идиоты, выстраиваемся, встречая её, бросая все свои дела, — уязвлено жалуется он.

— Она ведь леди, её этому обучали. А мы простые люди, братик.

— А её сын. Петух.

— Айзек!

— Нет, он не петух, он похож на дьявола или чёрта. Его так и называют Дьявол.

— Айзек! — Уже в голос смеюсь я.

— У него глаза чёрные-чёрные, даже зрачков не видно, как говорит, Лилиан. Она убирает в хозяйских спальнях. Ни разу не проронил ни слова, только жестами указывает пойти вон. Весь в мать, и сам он ходит постоянно во всём чёрном. Ему бы ещё косу и точно на Хеллоуин детей, да и взрослых, пугать.

— Ты преувеличиваешь, — мотаю головой.

— Ни капли. Они все там такие. И его будущая жена, бывшая невеста его брата, принцесса. Не дай бог, маникюр испортит, взяв серебряную ложечку, а не золотую. Дочь у неё такая же. От неё все няни сбежали, она даже нашу Донну до слёз довела. Сучка малолетняя, а ей всего семь! — Продолжает возмущения брат.

— Не ругайся, Айзек, — прошу его, кривясь на крепкое словцо.

— А иначе и не скажешь. Не замок, а кладбище. Всегда тихо и уныло. Знаешь, как они собираются украшать его?

— Как? — С интересом спрашиваю я.

— Никак. Вообще, никак. Они ни разу не украшали его, как делал это Энтони. Вот он был человек праздник. Ты не помнишь его, наверное...

— Помню, что был мужчина, которого мама упоминала в письмах. Он подарки делал каждой семье, и устраивал весёлые гулянья, — перебиваю его, хмурясь и пытаюсь ещё припомнить, что рассказывали родители.

— Да. Он был крутой! И никто не знал, что он помолвлен и у него есть дочь. Да он кутил с любой незамужней девицей в округе. Классный мужик был, а эти все унылые.

— Платят там хорошо? — спрашиваю я, чувствуя, как кончик носа замёрз.

— Приличней, чем на фабрике. Но берут в основном молодых, только Джефферсон из престарелых.

— Джефферсон? — Изумляюсь я. — Помню, что он разрешал мне кататься на его пони. Хороший он.

— Он у них дворецкий, — гордо заявляет брат.

— Это хорошо. Может быть, меня тоже туда возьмут? Я не боюсь грязной работы, умею готовить и убирать, — задумчиво произношу я.

— Завтра узнаю у него. Думаю, он будет рад. Пойдём в дом, ты уже замёрзла, американка, — смеётся он, подхватывая брёвна.

— Я англичанка, Айзек, и горжусь этим, — громко произношу, открывая ему дверь.

— Гордись, пока тебя не сожрал Дьявол, — смеётся брат.

Качаю головой, закрывая дверь. И правда, прекрасная возможность увидеть снова этот замок. В детстве мы часто ходили на маяк, наслаждаясь видами, и мечтали, как будем там танцевать с Айзеком. Вот и сбылась моя мечта, если меня возьмут, то потанцую на кухне.

— Нарушение договора пункт четыре параграф один. Нарушение договора пункт пять параграф четыре. И вы это называете законом? Так вот, мистер Макалистер. Если ваш банк не сделает перерасчёт и не зачтёт эти деньги в счёт долга, то мне придётся подать на вас в суд. Мы выиграем это дело, закон на нашей стороне, — твёрдо произношу я, смотря в карие, неприятные глаза мужчины.

— Мы сделаем всё возможное...

— Нет, вы сделаете то, что должны. Это мошенничество в особо крупных размерах. И если завтра ничего не поменяется, то уж поверьте мне, я подключу все связи моих коллег из офиса в Нью-Йорке, вас посадят всех до единого, — уверенно перебиваю его, поднимаясь со стула.

— Хорошего дня, мистер Макалистер. Пошли, Питер, завтра мы вернёмся, — подхватываю сумочку, гордо выходя из маленького офиса единственного банка, что есть в нашем городке.

— Вот это да, Энджел, я поражён. А он? Ты видела, как он покраснел, а затем побледнел от твоих слов, — смеётся брат, когда мы оказываемся на улице.

— Посмотри, меня до сих пор трясёт. Никогда так ни с кем не говорила, — вытягиваю вперёд руки, которые немного потряхивает от адреналина в теле. Улыбаюсь Питеру, как и он мне.

— Ты молодец, вот что значит образование. Ни черта себе, целых восемьсот фунтов пересчёта! Нам останется оплатить всего шесть с половиной тысяч и всё, — продолжает восхищаться брат, открывая мне дверь своего грузовичка.

Боже, спасибо тебе, что дал мне силы на это. Мне так стыдно, что говорила на повышенных тонах с человеком старше меня. Но обиду за своих родителей и обман не смогла стерпеть. И где-то понадобились мои знания, хотя приврала, за что, господи, тоже прошу прощения. Нет, у меня знакомых. Это как-то само вылетело.

— Я проверила свой счёт и могу перевести вам тысячу фунтов, — говорю я, поворачиваясь к брату.

— Нам неудобно брать у тебя деньги, сестрёнка. Ты самая младшая из нас, а взваливаешь всё на свои плечи, — мнётся Питер, отвозя меня домой.

— Неудобно спать на камнях, но и там можно найти хорошее. Например, звёздное небо. Но мне бы не хотелось, чтобы вы любовались им на холодных камнях, лучше из нашего дома, — мягко отвечаю я.

— Когда ты возвращается в Нью-Йорк? Папа ничего не упомянул об этом, — спрашивает он. Руки моментально холодеют, а паника немного сбивает меня, но продолжаю улыбаться.

— Ещё не купила билет, хочу со скидкой приобрести прямо в аэропорту. И ты уже хочешь избавиться от меня, Питер? — Журю его, отчего брат смеётся, качая головой.

— Нет, конечно. Я, вообще, считаю, что ты должна остаться с нами. Это твой дом, — бросив на меня странный взгляд, делится он.

— Скоро Рождество. Когда мы купим ёлку? — Перевожу тему, чтобы больше не тянуть себя в омут со своим враньём. Я не люблю это делать, но выбора пока у меня нет. Они так

горды мной, не смею их огорчать.

— Планировали завтра после работы. Когда все смогут, я сегодня работаю весь день и взял ночную смену. А Фрэнк ночью подрабатывает на маяке, Донна занята с детьми в начальной школе в честь концертов, что мы устраиваем перед Рождеством. Моя конфетка будет допоздна работать в овощном магазине, Кэрол возвращается, только когда леди Марлоу выпьет свой эликсир молодости. Сейчас замок готовят к приёму гостей, высокопоставленных особ со всех уголков Англии к Рождеству и свадьбе. Дел много, потому мы решили, что завтра купим ёлку все вместе, — с готовностью рассказывает Питер.

— Здорово. Я надеюсь, меня тоже возьмут в замок, — произношу я, мечтательно представив свои танцы на кухне.

— Зачем тебе это? У тебя есть хорошая работа. Ты приехала сюда отдыхать, да и родители не поймут этого, — удивляется брат, подъезжая к нашему дому.

— Хочу быть занятой. И, конечно, посмотреть на лорда и леди Марлоу. Это так сказочно. Ты только представь, они награждены самой королевой, — восхищённо говорю, поворачиваясь к нему.

— Им титул перешёл по наследству, милая, — смеётся брат.

— Ну и что. Значит, их предков награждала сама королева, — поднимаю вверх указательный палец.

— Иди уже, мечтательница.

— До скорого. Будь осторожен, — выбираюсь из грузовика, прыгая на дорожку, всю покрытую снегом.

Оборачиваюсь, провожая взглядом грузовик брата. Шумно вздохнув, медленным взглядом прохожусь по снежному пейзажу, закрывая глаза. Отвыкла от этого холода, от аромата моря, смешанного с морозом, что щекочет нос. Ловлю себя на мысли, что забыла, насколько здесь спокойно. Даже непривычно, в Нью-Йорке постоянно шум за окном, звуки сирен и крики, громкие разговоры за стенкой, а тут тишина. Идеальная сказочная тишина. Если прислушаться, то можно расслышать бубенчики, что звенят на санках Санты, что летает над нами. Да, я верю в него, верю в магию. Верю в волшебную помощь эльфов. Глупо, знаю, но как ещё объяснить приятное покалывание в пальцах и ощущение лёгкости в это время года? Сказочные чары.

— Милая, ты уже вернулась? — Раздаётся за спиной мамин голос. Распахиваю глаза, оборачиваясь к ней. Кутается в вязаную кофту, стоя на пороге.

— Да, мы всё решили. Завтра надо будет проверить, как обстоят дела. Но всё будет хорошо, — говорю, подходя к ней и заводя маму обратно в дом.

— Прости нас, Энджел, мы такие...

— Прекрати. Зачем же я училась, как не помогать вам? — Перебиваю её, снимая пуховик, и вешая его на крючок в коридоре.

— Пока тебя не было, я ходила к нашим соседям. Помнишь Милтонов, Джессику и Роберта? — Спрашивает мама, направляясь в гостиную, а я за ней.

— Конечно. Как Джек? Не уехал никуда? — Улыбаюсь, интересуясь про своего друга детства и третьего из нашей компании разбойников. Айзек, Джек и я. Милый Джек...

— Нет, он тут. Работает в замке плотником, также и слесарем, в общем, где пригодится. Он спрашивал о тебе, — мамин хитрый взгляд ни с чем не перепутать, а она именно так поглядывает на меня, ставя картонную коробку на диван.

— Мама. Он был моим другом и не более, — смеюсь я.

— И он до сих пор не женат, вырос в прекрасного и сильного мужчину. Может быть, вам сходить куда-нибудь? Или просто прогуляться, — продолжает она, раскрывая коробку.

— Мама, — с укором произношу я, вставая и заглядывая в коробку. — Что там? Игрушки? Но мы ёлку ещё не купили.

— Нет. Как я и говорила, ходила к Джесси, и она отдала мне одежду их старшей дочери Маргарет. Она сейчас располнела, а была такой же худенькой, как ты.

— Какая приятная новость. Поблагодари их за меня. Сколько я должна? — Улыбаюсь, доставая из коробки свитер, он немного большеват мне, но какая разница.

— Об этом даже не думай. На то и существуют друзья и соседи, чтобы выручать друг друга в таких ситуациях.

— Тогда надо их как-то иначе отблагодарить.

— Спеку им вишнёвый пирог, — заверяет меня мама, пока я рассматриваю вещи, откладывая те, что буду носить. Джинсы, свитера, кофты, — всё отличного качества, можно сказать, новое. И я улыбаюсь доброте, согреваясь ощущением заботы.

— Мне необходимо купить нижнее бельё...

— Я купила тебе кое-что на Рождество, поэтому придётся отдать сейчас. Знаю, что это негоже, но в данный момент нужнее, — достаёт из-за дивана пакет и протягивает мне.

— Мамочка, спасибо. Жаль, что мой чемодан оказался проворнее меня и улетел в Париж, — беру пакет и заглядываю в него. Несколько комплектов самых обычных трусиков.

— Они чудесны. Такого качества нет в Нью-Йорке, — целую её в щёку обнимая.

— Это лишь малость...

Не успевает она договорить, как раздаётся трель телефонного звонка. Отпускаю её, продолжая заниматься разбором вещей. Постоянно поглядываю на рождественский пакет и улыбаюсь. Что бы я без них делала, без моей семьи?

— Энджел, — окликает меня мама.

— Да?

— Айзек звонил, сказал, чтобы ты была готова через пятнадцать минут. Ты не говорила, что просила его найти тебе место в замке.

— Эм, забылось как-то. Мне очень хочется там поработать как раз встречу с Джеком и Джефферсоном, — упоминание имени моего друга детства благоприятно сказывается на настрое мамы, и она больше не хочет возражать, расплываясь в улыбке.

Собираю быстро свои вещи, что даны мне на время, только бы избежать того момента, когда маму отпустит, и она вспомнит о том, что я буду работать, вместо того, чтобы отдыхать. Несусь в свой подвал, аккуратно раскладываю одежду и нижнее бельё в небольшой комодик, что спущен сюда только для меня. Наконец-то есть возможность переодеться, пришлось утром одевать то же, что и вчера. А теперь, переодевшись в утеплённые леггинсы, тяжёлый свитер, ощущаю себя снова юной и маленькой. Натягиваю утги, собирая волосы в тугий пучок, закалывая его шпильками. Вот и отлично, я так счастлива, что есть вариант немного заработать. Возможно, найду какие-нибудь подарки для своей семьи здесь, пока не прилетят настоящие.

— Пока, мама, — кричу я, вылетая на улицу. На ходу застёгиваю пуховик, надевая шапку и заматывая шарф.

Через несколько минут к дому подъезжает модная серебристая машина, сверкая новизной на зимнем солнце.

— Вот это да, Айзек, — восхищаюсь, улыбаясь брату, выходящему из машины в

элегантном брючном костюме.

— Прошу, миледи, окажите мне честь покатать вас, — галантно брат открывает мне заднюю дверь. Смеюсь, кивая ему, и сажусь в салон, где витает аромат, которого никогда не знала. Невероятно.

— Как тебе новая карета, Эндж? — спрашивает Айзек, мягко надавливая на газ, и машина плавно катится.

— Просто нет слов, дорогой! Я думала, что ты на грузовике работаешь, — не могу перестать трогать приятную на ощупь кожу сиденья.

— Ночью пригнали специально для личных поездок хозяев. Джефферсон постарался, чтобы эту должность передали мне, конечно, как и для тебя. В общем, — настраивает зеркало заднего вида, ловя мой горящий взгляд, — тебе придётся убирать северную часть замка. Она самая грязная после постояльцев. За неё отвечала одна девушка, но её уволили сегодня. Тебе крупно повезло.

— Какая жалость, что я займу место хорошего человека, — с грустью вставляю я.

— Если бы. Она три дня строила глазки Дьяволу, а сегодня утром наша Принцесса застучала её в голую в его спальне. Вот визгу-то было, — смеётся брат, хотя я не вижу в этом ничего весёлого.

— Он что с ней? А как же невеста? — Ужасаюсь этому.

— Нет, он не трахался с ней...

— Айзек!

— Тут другого слова не найти, Энджел, — пожимает плечами брат. — Она хотела его соблазнить, и решила на крайние меры. Только она не знала, что утром Принцесса всегда навещает Дьявола, чтобы подлить ему яду в кровь. И ты только представь, входит она вся такая идеальная, а тут в постели другая. Голая и горячая. Дьявол был в душе. Когда Принцесса начала орать, то он вылетел оттуда весь мокрый и в пене, застав эту сцену.

— И правильно сделали, что её уволили. Они ведь любят друг друга, зачем же разрушать такой союз? У них свадьба! Как неподобающе со стороны этой девушки. Она тоже любила его? — Вслух рассуждаю я.

— Ага, любовь правит миром, и все браки случаются только по любви, — ухмыляется Айзек.

— Конечно, а как иначе? Наши родители любят друг друга, да и братья, Донна...

— Ох, Энджел, на тебя даже Нью-Йорк не повлиял, — тяжёлый вздох брата и какое-то непонятное разочарование в его голосе останавливают меня. Поджимаю губы, отворачиваясь к окну.

Отчего людям так сложно поверить, что двое людей всегда найдут любовь, даже если поначалу думают иначе? Почему такое недоверие к судьбе и к чему она подталкивает нас? Она ведь знает лучше, как быстрее привести нас к исполнению мечты. А сопротивление лишь забирает силы, веру и тормозит наше счастье.

Неожиданно сердце начинает биться быстрее обычного, непонимающе прикасаюсь ладонью к пуховику, пытаюсь уgomонить такую метаморфозу внутри себя.

— Энджел, мы приехали, — резко поднимаю голову, услышав слова брата.

Вот и причина. Ощутила заведомо, что мечта моего детства уже перед моими глазами. Высокие кирпичные ворота из тёмно-синего камня, что несколько веков назад служили местом обороны, приветливо распахивают свои массивные железные двери. Мы проезжаем дальше. Забываю, как дышать от нахлынувших эмоций. Белоснежные пики башен с синей

кровлей, резные ставни, сказочный фасад и невероятной красоты фонтан с ангелом по центру.

Боюсь дышать, улыбаясь и выбираясь из машины перед раздвоенной лестницей. И словно природа хочет лишит меня чувств, посылая сказочный снег, медленно падающий с неба на эту красоту истории и мою мечту. Как бы невероятно это смотрелось в ночи, если бы огоньки подсвечивали замок. Волшебно.

— Энджел, пойдём. Мы входим через боковую дверь, центральная предназначена только для хозяев и гостей, — отрывает меня от любования Айзек, толкая вбок. Ноги не желают двигаться, а только впитывать в себя аромат другого века, в котором я оказалась. Вот именно в таком месте может жить принц и принцесса, и здесь они есть. Разве это не может претендовать на сказку? На сто процентов.

Всё же приходится отвести взгляд и пойти за братом, огибая замок и проходя арку, где вижу два фургона, из которого грузчики достают какую-то мебель и предметы интерьера. Вот это удача, невообразимая удача для меня шагнуть в замок, на который я смотрела с маяка всё своё детство. Ароматы выпечки, смешиваются с морозным воздухом от распахнутых дверей. Мы проходим мимо служебного помещения, где что-то обсуждают работники, двигаясь дальше. На ходу снимаю шапку, поднимая голову наверх и улыбаясь искусным фрескам на высоком потолке.

— Джефферсон! — Окликает брат мужчину, стоящего к нам спиной в фирменной ливрее дворецкого. Он оборачивается и встречается со мной приветливым взглядом голубых, слегка выцветших глаз. Такой же худощавый и высокий, каким я его запомнила.

— Неужели, это моя маленькая мисс Энджел? — Удивлённо спрашивает мужчина, быстрым шагом подходя к нам.

— Джефферсон, как я рада вас видеть, — смеюсь я, обнимая его и привставая на цыпочки, дотягиваюсь до сухой щеки и целую её.

— Господи, дорогая моя, ты ни капли не изменилась, — отодвигает меня на расстояние вытянутых рук, рассматривая моё лицо.

— Вы тоже. Даже моложе, чем я помню или же это потому что вы без бороды, — продолжая улыбаться, отвечаю я.

— Положение обязывает. Красавица, вся в мать, — потирает мои плечи.

— Ещё хуже, Джефферсон, — усмехается Айзек. — Ты присмотришь за ней? Мне надо парням помочь.

— Конечно, иди. И леди Марлоу собирается выехать в банк ровно в два часа дня. Будь готов, — кивает Джефферсон брату. Чмокнув меня в макушку, он оставляет меня.

— Итак, моя милая, ты решила работать тут? — Уточняет мужчина, указывая мне рукой следовать за ним по коридору.

— Да, это было моей мечтой. И я наконец-то в замке. Где я могу быть пригодна? — Спрашивая, прохожу мимо кухонного помещения.

— У нас не хватает рук и времени, чтобы подготовить северное крыло. Там ты и будешь работать. Убирать комнаты одну за другой. Всю поломанную мебель, или испорченную необходимо выносить в коридор и записывать, чего не хватает для гостей. Список необходимого я тебе вручу, как и ключи. До блеска отмыть комнаты. Их принимает дворецкий леди Марлоу, а он не я. Поблажек от него не жди, очень вредный старикашка, — Джефферсон открывает мне дверь, и мы оказываемся в комнате, где стоит множество шкафов с номерами.

— Твой шкаф номер двенадцать. Там возьмёшь форму и переоденешься, волосы надо всегда собирать. Каждое утро мы надеваем новую вычищенную форму, её будешь оставлять в своём шкафчике. Пока переоденешься, и я тебе объясню, что делать дальше, — инструктирует он меня.

— Замечательно, — киваю я. Джефферсон выходит, а я подхожу к своему шкафчику и распакиваю его, доставая бордовое платье, белый фартук, колготки и мягкие туфельки. Немного большеваты, но ничего.

Приходится помучиться, чтобы переодеться, страшась, что сюда кто-то может войти. Но никого нет, и я благополучно переодеваюсь, приглаживая волосы. Платье немного колется, но я сейчас полна радости, и совершенно не замечаю этого, как и того, что оно висит на мне мешком.

— Я готова, — произношу, выходя из комнаты.

— Отлично, вот ключи, положи их в карман фартука, как и список, — мне в руки вкладывает тяжёлую связку и бумагу. Всё это прячу, куда мне велено.

— Итак, — начиная, ведёт меня по коридору дальше. — Правило первое — не поднимать головы на хозяев, пока они не прикажут. Не говорить с ними, пока не спросят что-то. Стараться быть невидимой для них. Правило второе — не заводить никаких отношений тут, хотя об этом я не волнуюсь, но устав требует тебя предупредить.

Улыбается мне, а я уже совершенно не слушаю его. Мы оказываемся в роскошном зале. Отполированный пол сверкает в свете люстр под потолком, тяжёлые тёмно-синие шторы создают невероятную магию вокруг. Невероятно, и скоро здесь будет бал, на котором принц и принцесса станцуют свой вальс.

Жаль, что ёлка не стоит. Идеальное место ей другой зал, не уступающий в размерах первому, здесь есть камин, скучающий без работы, обшитые парчой диваны прошлых веков, рояль и некоторая холодность. Жизни тут нет, а замок так жаждет её, словно кричит о необходимости небольшого украшения ёлочными гирляндами резной лестницы, по которой мы поднимаемся. Аромат старины и чего-то приятно горького наполняет воздух, пока мы проходим мимо, как я понимаю, хозяйских спален и оказываемся у другой лестницы. Две девушки пробегают мимо нас с охапкой белья, оборачиваюсь им вслед и не могу не улыбаться. Так счастлива, насколько не была никогда в жизни.

— Ты всё поняла, Энджел? — спрашивает Джефферсон.

— Эм... конечно, всё, — киваю я, хотя ни капли не слышала из того, что он говорил, любуясь убранством замка.

— Отлично...

— Скажите, а здесь всё осталось таким же, как и раньше? Я имею в виду, когда ещё ездили кареты, — интересуюсь я, идя следом за мужчиной, ведущим меня по ещё одной лестнице.

— Да. Лорд Марлоу, как и его отец, как и его дед, поддерживают ту эпоху, делая это место притягательным. Хотя в последний год тут не было ни одного постояльца. Оно и понятно, люди не ценят красоты и вложений, а это место обходится очень дорого. Вокруг нас один антиквариат, стоящий сотни тысяч фунтов, — улыбается Джефферсон, открывая мне дверь, чтобы мы вышли в неяркий узкий коридор, который должен привести нас в северную часть замка.

— Ничего себе! Изверги, кто ломает здесь что-то, — качаю головой, полностью понимая решение лорда Марлоу.

— Но, после свадьбы, это место снова станет отелем. Многие мечтают тут провести Новый год и свои каникулы, кто-то торжества и свадьбы. Сейчас всем здесь заправляет леди Марлоу и лорд Марлоу-младший. Они собираются заключить контракт с какой-то французской обслуживающей службой, которая будет тут работать.

— И всех наших уволят, — сочувственно вздыхаю, останавливаясь рядом с Джефферсоном у двери.

— Увы, — кивает мужчина, отпирая дверь одним из ключей на своей связке.

Мы входим в тёмное помещение, Джефферсон включает свет.

— Тут всё необходимое для уборки. Тряпки, средства для полировки, постельное бельё, покрывала. В мешки будешь снимать шторы и тюль, их постирают, и завтра повесишь. Стремянка стоит в углу, — показывает на все необходимые предметы.

— Я всё поняла, не волнуйтесь. До которого часа работаю? — Спрашиваю я.

— Пока я не скажу, что пора домой. Это может быть и полночь, Энджел, поэтому подумай, нужно ли тебе это.

— Конечно, нужно, — заверяю его.

— Оплата зависит от часов. Сейчас одиннадцать утра. Каждый час твой стоит двадцать фунтов. Удачи, мисс Энджел. Я буду в главном корпусе, если что-то понадобится и будут какие-то вопросы.

— До встречи, — улыбаюсь ему, наблюдая, как хочет что-то сказать ещё, но уходит, прикрывая за собой дверь.

Вот и сбылась моя мечта, комнаты этой части замка в моём полном распоряжении. И я буду танцевать в каждой. Невероятно!

Вытерев пот со лба, выпрямляюсь и довольно осматриваю убранную вторую спальню. Очень приятно прибираться здесь, столько красоты таит в себе каждая комната. И они такие разные. Первая была выполнена в бежевых тонах, в вот эта в голубых. Но в каждой витает дух эпохи Ренессанса. Эти кровати, которые пришлось выбивать и снимать с них пологи для чистки, заставляют улыбаться. Наверное, те, кто может себе позволить хоть ненадолго побыть важной персоной королевских кровей, останавливаясь здесь, полны всплеска эмоций на всю жизнь. Я-то уж точно.

Собираю пакеты, оттаскивая их за пределы спальни. Запираю двери и вешаю на ручку белую ленточку, что нашла в кладовой. Так я помечаю убранные комнаты. Довольная собой, подпевая одну из рождественских мелодий, направляюсь за новым постельным бельём. Отсчитываю шесть наволочек, простынь, пододеяльник и полотенца. Сдуваю с лица выбившиеся пряди волос, захлопывая дверь ногой.

Так, теперь настала очередь спален напротив. Только открываю рот, чтобы запеть одну из мелодий, что крутится в голове, как сталкиваюсь с чем-то очень твёрдым. Всё постельное бельё вылетает из рук, а сама я с непонятным визгом лечу на пол, неудачно приземляясь на колени. Жмурюсь от вспышек в глазах. Господи, как больно. Не могу понять, что произошло. Распахивая глаза, вижу два чёрных ботинка, стоящих прямо на одной из наволочек. Ещё не придя в себя от покалывания в коленях, словно в замедленной съёмке наблюдаю, как эти самые ботинки идут по белоснежному белью, разбросанному вокруг меня. Тёмные следы тут же появляются за человеком, так беспардонно прошедшем мимо.

— Это было крайне невежливо, — шепчу я, оборачиваясь, и вижу только тёмные волосы, распущенные до плеч. Мой взгляд скользит по определённо мужской фигуре, облачённой в чёрный свитер, как он уже скрывается за поворотом.

— Спасибо за помощь. Вы так любезны, — говорю я миражу, что нагло бросил меня здесь, тяжело вздыхая, смотрю на испорченное постельное бельё. Кряхтя, поднимаюсь на ноги, неприятные ощущения до сих пор наблюдаются в моём теле. Придётся и это положить в пакет, надеюсь, тут за это не карают смертной казнью.

Хихикаю от своих мыслей, отмахиваясь от неприятного инцидента. Может быть, он спешит куда-то или у него... у него несварение. Да, нормальный человек бы помог, ведь я не видела куда шла, а он видел. Ничего, в следующий раз он извинится и объяснит, что не было у него времени.

Сложив всё испорченное бельё в новый пакет, и оставив его в коридоре, решаю немного пройтись, чтобы размять руки и ноги, да и дать себе пятиминутный перерыв. Иду по коридору, постоянно дотрагиваясь до стен, ощущая шероховатость красок, люблюсь пейзажами, что висят кругом, электрическими канделябрами. Как же это красиво, можно часами стоять и видеть под разными углами совершенно различные узоры на канделябрах. Дохожу до двери, намного большей в размерах, чем были остальные. Это восьмая спальня, значит, на ключе должен стоять именно этот номер. Ищу подходящий ключ, но такого нет. Как так? Мне же необходимо будет прибраться и здесь. Надо бы найти Джефферсона, да боюсь, что запутаюсь в этих коридорах. В следующий раз непременно запомню дорогу.

Ладно, придётся воспользоваться своими навыками из детства. Оглядываю воровато

пустой коридор, вынимая одну шпильку из волос. Нахожу более или менее подходящую отмычку в виде ещё двух сложенных шпилек. У меня просто нет выбора, я должна убрать там. От усердия даже язык высовываю, и через некоторое время мучений, замок щёлкает. Поднимаюсь на ноги, улыбаясь и хваля саму себя, что не забыла, как это делается.

Медленно раскрываю дверь, заглядывая в полный мрак, что таится внутри. Неприятный запах спирта и затхлости помещения сразу же ударяет в нос. Надо бы проветрить. Отчего так воняет? Оставляю дверь распахнутой, чтобы видеть, куда я ступаю. Хотя это мало мне помогает, натыкаюсь на что-то, и раздаётся грохот упавшего металла. Мой визг, шум такой, что кажется барабанные перепонки могут лопнуть. Секунды, и я уже стою на коленях, кривясь и чихая от пыли.

— Вот неудача, снова колени, — хныкая, растираю места удара. В полусогнутом состоянии и, выставив одну руку вперёд, я наконец-то натыкаюсь на материю и хватаюсь за неё. Резко тяну, и свет проникает в комнату.

— Какого чёрта вы здесь делаете, юная леди?! — Возмущённый хриплый голос достигает моего слуха. От страха визжу, разворачиваясь, и одновременно отступаю назад. Ноги путаются, наступают на сбитый ковёр, что-то ударяет по внутренней части колен, и я лечу спиной, крича так громко, как сама даже не предполагала своих возможностей.

Мягкое падение прямо в стоящее кресло, и воздуха не хватает, только это помогает мне остановиться и перевести дыхание. Мой взгляд прикован к мужчине, лежащему на расправленной постели. А он ищет рукой что-то на тумбочке, и это оказываются очки. Надевает их, пока я прихожу в себя.

— Простите... господи, простите. Я думала... простите, — шепчу, поднимаясь с кресла и поправляя свою форму. Мы разглядываем друг друга. Нервно улыбаюсь, делая шаг к кровати. Он болен, скорее всего, его сухая старческая кожа белее снега, иссушенные тонкие губы даже корочкой покрыты. А рука, которую он вытянул вперёд, подзывая меня, сильно дрожит.

Опасливо делаю шаг, а затем ещё один, опуская взгляд до тёмных глаз, досконально изучающих меня.

— Новенькая? — Интересуется он.

— Да, простите, что вломилась. О, боже, я сломала ваш замок! — Восклицаю я, виновато кусая губы. Смотрю на мужчину исподлобья, а он улыбается, откидываясь на подушки. Его белые волосы коротко подстрижены, и он очень истощён, скулы слишком впалые, имеющие неприятный серый оттенок, глаза отдают желтизной. И от него не совсем приятно пахнет. Взгляд быстро проходит по столику с дюжиной лекарств. Точно, этот человек критически болен.

— Да, вы сломали мой замок, юная леди. Объяснитесь? Вас не предупреждали, что сюда входить не следует? — Спокойный, даже дружелюбный голос никак не соответствует его требованиям и словам.

— Я...я не запомнила. Точнее, слишком любовалась красотами замка и прослушала слова Джефферсона. Мне было сказано убрать северное крыло, вот я и подумала, что здесь просто сломался замок, или он забыл мне дать ключ. Простите, я оплачу ваш замок, я...

— Прощу вас только при нескольких условиях, — перебивает мою заплетающуюся речь, снимая очки и бросая их на тумбочку.

— Конечно, всё, что хотите, — киваю ему.

— Для начала скажите своё имя, — произносит он, немного поднимаясь и принимая

полусидящее положение.

— Анжелина Эллингтон, но все зовут меня Энджел, — отвечаю, теребя свой фартук.

— Энджел, вам подходит, ангел-разрушения и нарушения спокойствия, — суховатый смех совершенно сбивает меня с толку. Продолжаю, как дурочка, улыбаться, пожимая плечами.

— Как вы умудрились взломать мой замок? Криминальное прошлое или...

— Ох, нет, что вы, — мотаю головой, обрывая его. — Мы в детстве... у меня есть брат — Айзек, он старше меня на два года. Мама запрещала нам есть много сладкого, и закрывала сервант на ночь. А именно ночью нам хотелось есть больше всего. Мы играли в тайных агентов и научились открывать его шпилькой. Потом от нас прятали шоколад на верхних полках под другим замком, но и его нам удалось вскрыть. Только чтобы достать сладости. Когда мы повзрослели, то нам старшие братья не давали кататься на их велосипедах, закрывая дверь гаража на замок. Но нам, всё же, удавалось это сделать, и нас долго ждали к ужину, чтобы наказать. Ну и теперь, чтобы вломиться к вам, я использовала этот навык, — на одном дыхании выпаливаю я, вбирая в себя кислород.

Смотрит на меня без намёка на улыбку, задумчиво так. Наклоняет голову, и это рождает в груди страх.

— Теперь вы уволите меня, да? Прошу вас, я оплачу новый замок... мне очень нужна эта работа, я...

— Присядь, Энджел и подай мне склянку с надписью «успокоительное», — перебивает меня, рукой указывая на тумбочку.

— Конечно. Боже, мне так жаль, что из-за меня вам стало хуже. Не знаю, что мне сделать, чтобы поправить ваше состояние. Может быть, немного проветрить вашу комнату или же, не знаю. Вот, — протягиваю ему бутылочку. Открывает её и бросает себе на ладонь одну розовую таблеточку.

— Сейчас вам воды налью, — торопливо беру бокал и наливаю туда воды из кувшина, стоящего здесь же на тумбочке.

— Теперь присядь, — хлопает ладонью по постели. Киваю, присаживаясь на край и протягивая ему бокал.

— Это для тебя, Энджел. Ты слишком расстроена, — поясняет он. Охаю, удивляясь, а потом расплываюсь в улыбке, тихо посмеиваясь.

— Спасибо. Так вы... ну вы здесь лежите... хм, просто лежите и вы здесь лежите. Кто вы? — Пытаюсь сформулировать хоть что-то понятное, но удаётся только это. Беру с его ладони таблетку и возвращаю её обратно в бутылёк, ставя всё на тумбочку, вместе с бокалом воды.

— Я лорд Роджер Марлоу, и да, я здесь просто лежу, — произносит он. Мои глаза округляются от этого имени, издаю вздох, открываю рот, закрываю его и так несколько раз. Не так я себе представляла лорда, но он настоящий.

— Настоящий, — повторяю свои мысли.

— Вполне настоящий, девочка. Можешь даже потрогать меня, я ещё жив, как бы моя жена ни хотела иного, — приподнимает дрожащий уголок губ в усмешке.

— Но почему она хочет этого? Вы такой замечательный, — удивляюсь я, оглядывая его. Может быть, парализован и никому не нужен. Так жалко становится его, что, забываясь полностью, кто передо мной, беру его за руку и накрываю второй, при этом поглаживая.

— Про «потрогать» я упомянул образно.

— О, господи, простите, — отнимаю свои руки. Улыбается мне, издавая хриплый вздох, откидываясь снова на подушки.

— Вы калека, да? Знаете, некоторые люди, особенно женщины, сильно подвержены унынию и сопереживанию. И, возможно, вы просто не поняли, как сильно страшитесь сделать вам хуже ваша жена. Ведь она вас любит и, скорее всего, не приходит к вам только по причине страха навредить, — не понимаю, какой эльф меня за язык потянул. Но заметив озадаченное и даже несколько опарашенное лицо лорда Марлоу, прикусываю язык и немного отдаляюсь.

— Если бы всё было так, как ты говоришь. Мой сын мыслил в похожем ключе, всегда искал хорошие стороны, даже в самом плохом, — грусть появляется в старческих глазах мужчины.

— Примите мои соболезнования. Очень тяжело терять близких, но я верю в то, что они превращаются в ангелов. Только переход их в это состояние или быстрый, или долгий, всё зависит от тех, кто их держит здесь на земле. Вы скучаете по нему, он... — замолкаю, замечая какой-то странный блеск на хмуром лице.

— Мне пора, это не моё дело...

Подскакиваю, но моё запястье обхватывают тонкие пальцы, останавливая меня от бегства.

— Продолжай, — требует он, усаживая меня на место.

— Верно, не стоит, я не имею никакого права...

— Продолжай, Энджел. Я хочу знать продолжение, — с нажимом произносит он, вздыхаю, обещая себе самой уволиться отсюда. Ведь сейчас я точно залезла не туда, куда мне следовало.

— Я слышала, что после смерти вашего сына, вы живете здесь. Как я поняла вот в этой спальне, в которой неприятно, честно сказать, пахнет. И уверена, что вы не выходите на улицу, живя в утрате и оплакивая в своём сердце сына. Но от вас я услышала, что он искал хорошее, и даже в смерти это есть. Рядом с вами находится ангел, которому вы не даёте расправить крылья, чтобы помочь вам, а не только двигаться дальше. Смерть — это всего лишь переход в другой мир, который невидим для нас. Но он есть, скольких людей спасали случайности, а я верю в то, что это их ангелы, погибшие родные, таким образом, защищают их. Мне так говорил папа, когда моя бабушка умерла. И, наверное, вы мне не поверите, но я видела её. Видела однажды в глазах маленькой девочки, что нечаянно толкнула меня в Нью-Йорке. Этим она спасла меня от разбоя, что происходил в моём районе. Пока я вытирала пятно от молочного коктейля, там происходила перестрелка прямо рядом с моим домом. И если бы не она, то я бы попала под неё. А меня спасли. Так и вы дайте возможность вашему сыну спасти других, — замолкаю, не смея поднять голову на мужчину. Знаю, что это некрасиво лгать. Господи, прости меня, но выбора у меня не осталось. Ты должен видеть, что я это делаю не из корыстных побуждений, а чтобы помочь.

Не было такого инцидента, но что-то внутри подсказывает мне — именно это требуется этому человеку, чтобы хотя бы проветрить комнату. Он живёт здесь один, совсем один. И это так печально, что не может не тронуть меня. Вытираю слёзы, только бы не заметил жалости, они этого не любят.

— Уходи. Уходи отсюда, — мрачным голосом произносит он.

— Простите, что я вас расстроила...

— Уходи! Вон! — Повышает голос, указывая на дверь. Подскакиваю с места, вылетая из

спальни. Захлопываю дверь, прижимаясь к ней спиной.

Я ведь хотела, как лучше, и теперь тяжесть на сердце, что затронула раны, снова причинила боль этому милому старичку, что был так добр ко мне за сломанный замок.

И, скорее всего, меня точно уволят. Кто-нибудь придёт сюда, принести обед или ещё что-то, заметит сломанный замок, а я здесь одна. Он расскажет про меня и про мой длинный язык, меня выбросят и моих родных тоже. Боже, что я натворила.

Очень сильно расстроила меня встреча с лордом Марлоу, а ещё больше то, что не смогла сдержать себя и высказалась. Но мне так хотелось его поддержать, ему это необходимо. И он совершенно не похож на того, кого я рисовала в своём воображении. Никакого чепца для сна, да и пухлых щёк, и лысины нет. Не представляю, как можно его одного здесь оставить? Почему никто не приходил сюда за последнее время, пока я убирала ещё две спальни? Не верю, что его жена так спокойно может жить, зная, как плохо её мужу. Наверное, сама тихо плачет, и смерть сына стала для них сильным переломным моментом в отношениях.

— Ты не должна лезть, — ругаю себя, делая пометки о сломанной мебели в последней розовой спальне, что убрала.

— Это не твоё дело, люди не хотят твоей помощи, так успокойся, — тяжело вздыхая, кладу блокнот и ручку, что нашла в подсобке. Подхватываю пакеты и вытаскиваю их за дверь.

Моё внимание привлекают шаги. Прислушиваюсь, отряхивая от пыли платье, и быстро приглаживаю волосы. Надеюсь, что это леди Марлоу. Ну не могла она быть вдалеке от мужа. Улыбаюсь своим мыслям, а сердце начинает быстрее биться, в ожидании встречи с самой леди. Уголки моих губ опускаются, когда вижу женщину, идущую с подносом в руках.

— Добрый день, — произношу я, когда она ровняется со мной. Отмечаю, что запыхалась, да и как-то выглядит измождённой.

— Привет. Фуф, пока поднялась, весь дух из меня выбило, — пытаюсь отдышаться, отвечает она.

— Давайте помогу, — предлагая, тянусь к подносу.

— Ох, нет, что ты. Мне запрещено передавать кому-то. И ровно в половине второго его милость должен пообедать. Я его сиделка... — замолкает, сильно жмурясь. Перехватываю поднос за секунду до того, пока всё это не полетело на пол.

— С вами всё хорошо? — Испуганно осматриваю женщину, обхватившую живот. Большой, к слову, живот.

— Да... ох, господи. Не сейчас, милый, не сейчас. Потерпи ещё немного хотя бы до вечера, — приговаривает она, поглаживая живот под выпирающим фартуком.

— Вы беременны. Это плохо для ребёнка, что его мама не может немного передохнуть, — не знаю, куда бы поставить поднос, да и помочь этой женщине хочется.

— Нельзя. Ох, господи, схватки с самого утра. Думала, что это тренировочные, — ещё больше сгибается пополам.

— Идите. Ну же, идите скорее, я пойду к лорду Марлоу...

— Она заперта, — новый стон и затем крик женщины.

— У вас воды отошли. Скорее идите. Ну же! Давайте! — Повышаю голос, со страхом смотря, как она едва может идти.

Какая же глупость так работать, когда дата родов на носу. И вот чем это заканчивается, но её малыш может гордиться, что имеет характер и возмутился такому отношению к себе. Всё у них будет хорошо.

Смотрю на поднос, а затем на закрытую дверь. Ладно, ещё раз попрошу прощения. Боже, как вкусно пахнет от хлеба. Мой желудок даёт о себе знать, и я слглатываю слюну, направляясь к спальне лорда Марлоу. Перекладываю поднос на одну руку и открываю дверь.

— Простите, вам принесли обед, — тихо произношу я, и вновь оказываюсь в полной мгле. Я не закрывала штор, значит, этот мужчина может ходить, и он не калека. Да и инвалидного кресла я не заметила в прошлый раз.

— Не хочу, — раздаётся бурчание.

— Тогда могли бы включить лампу, иначе я разобью посуду, — прошу я, делая шаг в темноту, и она через несколько секунд озаряется неярким светом.

— Я же сказал — не хочу, — мужчина поворачивается ко мне, наблюдая, как я иду к нему. Ставлю поднос на постель и открываю серебряный купол. Аромат куриного супа достигает моего носа, и желудок так громко урчит, что покрываюсь красными пятнами от стыда.

— Зато ты хочешь, — усмехается лорд.

— Да, очень. Так всё вкусно и вам грех хотя бы это не попробовать, — признаюсь я, доставая суповую ложку из салфетки.

— Тогда сама и ешь. А я посмотрю, — пожимает спокойно плечами, предлагая мне такую невообразимую пищу.

— Спасибо большое, но мне ещё работать, а так засну прямо здесь. Было бы прекрасно, если бы вы мне рассказали, как это было вкусно, — улыбаюсь я, раскладывая салфетку на его коленях.

— Я не хочу, — упрямо повторяет он.

— Должны. Если вы не будете есть, то у вас не будет сил, чтобы поругать меня, — беру в руки тарелку и ложку, присаживаясь на постель.

— Я не собираюсь тебя ругать, девочка. Не в моих это правах.

— Но вы ведь до сих пор обижаетесь на меня, а я буду продолжать говорить. И прекратить вы это сможете, если немного поедите, — набирая супа в ложку, поднимаю руку с ней.

— Нет, — поджимает губы, отворачиваясь от меня.

— Вы не калека, как я сперва подумала. Значит, вы можете ходить, у вас есть силы, чтобы закрыть тяжёлые шторы. Вы просто притворяетесь немощным, чтобы за вами ухаживали. Это ваш протест против смерти сына и превращения этого места в отель...

— Закрой рот и давай свою ложку, — перебивает меня. Улыбаюсь, поднося суп ко рту мужчины, и вливая в него.

— Ещё? — Спрашиваю я, уже зачерпывая новую ложку.

— Нет.

— Я бы тоже не хотела, чтобы мой дом превратили в отель. У вас финансовые трудности? Поэтому ваша жена ищет выход из положения и ей следует отдать должное. Пока вы...

— Хватит, — резко выдыхает он, сверля меня злым взглядом.

— Ещё? — Не поддаваясь этой злости, поднимаю ложку, поднося её к его рту.

— Ты очень болтливая, Энджел, — проглатывает, делая мне замечание.

— На самом деле нет, — улыбаясь, набираю порцию, и она тут же исчезает в его рту.

— Я тихая, незаметная и люблю наблюдать за людьми. Проходила курс психологии в университете. Да и с вами мне нравится болтать, особенно ухаживать за вами. Почему вы не выходите? — Сжимает губы, когда я подношу ложку.

— Чтобы не видеть людей? Но разве люди могут причинить вам вред? Или у вас плохие воспоминания о городе? Ваш сын жил здесь, не так ли? И вы хотите задержать его таким

способом? — Открывая рот, с силой тянет на себя ложку зубами.

— Вы долго планируете предаваться унынию и горю? Этим его не вернёшь, — продолжая, я уверенно смотрю в прищуренные глаза. Раскрывает рот, выпуская ложку.

— Ты ничего не понимаешь, — качает головой, тянусь руками к тарелке. Передаю ему, и он сам черпает суп.

— Так поделитесь. Я умею хранить секреты, и никому не расскажу. Вам станет легче, — предлагаю я, рука сама находит булочку, от которой незаметно отламываю кусочек и быстро бросаю в рот, пока мужчина ест.

— Это его комната. Моего милого Энтони. Он здесь жил, пока не разбился...

— Автокатастрофа, — перебивая его, тут же замолкаю, вижу грусть в его глазах.

— Нет. Он покончил с собой, сбросился из этого окна и разбился. Никогда он не станет ангелом, про которого ты говоришь, — ставит тарелку на тумбочку. А я не могу прожевать хлеб, ощущаю ком в горле, не дающий мне возможности даже извиниться.

— Он всегда был весёлым, и я любил его за это. От него ничего не осталось, клинический анализ, что я получил после похорон, свидетельствовал о наличии высокой дозы наркотиков в его крови. А потом были долги дилерам. С ними он был целых пять лет. Я даже подумать об этом не мог...

— Но вы ведь не читаете мыслей, да и не ваша это вина, лорд Марлоу. Он выбрал то, что было для него хорошо, не заботясь о других. У него была причина принять такое решение, и вряд ли он хотел завершить свою жизнь именно так. Возможно, это был несчастный случай? — Тихо произношу я.

— Предсмертная записка говорит об обратном. Он сказал, что на него давит этот мир. Давит его положение, и я его задавил своей заботой, — дрожит его голос, а в моих глазах появляются слёзы.

Теперь я не знаю, что мне ответить, как обосновать такой жестокий уход из жизни. Просто не знаю, тяжесть в груди и печаль.

— Я улетела в Нью-Йорк, чтобы встретить свою мечту, — не понимаю, почему я говорю это, но не могу остановиться. — Мои родители, я не думала о том, насколько им было сложно отправить меня туда. Но они это сделали, оплачивали моё обучение, пока я не перевелась на бюджет и не нашла работу. Не по специальности, нелегальную. Это плохо, знаю, но мне хотелось остаться там. Я видела столько людей, знакомилась с ними, и всё было прекрасно. У меня не было свободного времени, не было возможности вернуться сюда. К ним. Отправляла деньги, сколько могла, а оказалось, что и их им не хватало. Радовалась тому, что купила дорогие подарки всем, а мой чемодан обманул меня и улетел в Париж. Знаете, я забыла, что такое быть частью семьи. Нью-Йорк негативно сказался на этом восприятии, разлука сделала меня иным человеком, хотя они утверждают, что это не так. Но я знаю себя, меня тоже окружали любовью, заботой и маниакальными крыльями от внешнего мира. Это и побудило меня улететь. Но я была неправа.

— Почему так далеко, Энджел? Отчего не Лондон или другой город Англии? У нас много университетов, — удивлённо спрашивает лорд Марлоу.

— Чтобы быть дальше от них. Подсознательно я хотела именно этого. Не для меня была жизнь, как у братьев и сестры. Они все женились рано, завели детей и это прекрасно. Но...

— Но не в твоих мечтах, — заканчивает за меня он.

— Я люблю детей, — поднимаю голову, заверяя его в своих словах. — Очень люблю их, но я не хотела выходить замуж только потому, что надо, пришло время. Я хотела встретить

того, кто предназначен мне судьбой. И я уверена, что среди моих знакомых его нет. Сколько монеток я истратила во всех фонтанах, что встречала. Но увы, пока он не нашёл меня. И сейчас, сегодня, оглянувшись, я понимаю, что сделала всё правильно. Пусть меня уволили, и я негодна для юриспруденции, потому что мне жаль даже убийц. Но я поняла цену семьи. Только они поддержат и эта забота, которая раньше претила, стала необходимостью. Думаю, что в наркотиках ваш сын искал себя. Не хотел разочаровать вас, как и я своих родителей. Он сильно любил вас, и только это побудило его так поступить. Ему было стыдно за свою жизнь, и в этом нет вашей вины. Уверена, вы прекрасный отец. И то, что так долго горюете, доказывает это. Но простите его за то, что не решился признаться, и оставил вас. Простите за то, что думал не подходит вам, как сын. Это не его вина и не ваша просто так получилось. Он не смог найти того человека, кто показал бы ему, что он сильный мужчина. Или же его возлюбленная не успела это сделать.

Из тёмных глаз скатывается слеза, вытирая свои мокрые щёки, улыбаюсь лорду Марлоу. Мы молчим, но всё и так понятно. Каждый из нас осмысливает слова, что находятся внутри. И мне стало легче, что призналась в своём грехе.

— А сейчас поешьте, пожалуйста, — прошу я, и беру в руки тарелку, передавая ему.

— Тогда и ты, милая, можешь съесть булочку, но для начала открой шторы. Очень темно, — произносит он.

— С удовольствием, — подскакивая с места, подхожу к шторам, и распахиваю их. Пыль такая густая бьёт прямо по моим лёгким. Откашливаюсь, отворачиваясь от переливающихся гранул, что кружатся вокруг меня.

— Не мешало, выбить их и постирать, — замечаю, вытирая лицо рукавом.

— Мне нравится и так. Сюда заходят только четыре человека. Илэйн — моя жена. Артур — второй мой сын. Освин — дворецкий. И Полли — моя сиделка. Что с ней случилось? Неужели, вы её ударили, и бедная женщина лежит бездыханная в одной из спален? — Смешинки улавливаются в его голосе. Согревает это меня, осознание того, что отошёл лорд Марлоу от драматической ноты, которую мы пережили недавно.

— К сожалению, пришлось, — вздыхаю я, — мне требовался предлог, чтобы прийти к вам и поговорить. Но не волнуйтесь, удар был несильным.

Улыбаясь, смотрит на меня. Этот пристальный взгляд немного смущает меня. Опуская глаза, беру булочку в руки и сажусь рядом на постель.

— У неё схватки начались, наверное, из-за множества лестниц. Воды только отошли, и я предложила свою помощь, — произношу я теперь правду, исподлобья поглядывая на мужчину, продолжающего не сводить с меня глаз.

— А она была беременна? — Этот вопрос настолько изумляет меня, что мой рот раскрывается сам собой.

— Эм... да... — медленно отвечаю я.

— Надо же, а я думал, просто набрала, — пожимает мужчина плечами, берясь за ложку и суп.

После минутного шока хочется рассмеяться от этого. Господи, как такое возможно? Она работает на него, видимо, долгое время, а он даже не заметил, что у неё большой живот. Боже мой. Хрюкаю, давась хлебом, а затем уже не могу сдержаться. Начинаю смеяться, закрывая рот рукой. Лорд Марлоу откладывает ложку, явно не понимая, в чём причина моего веселья.

— Просто набрала, — подсказываю я, заливаясь снова смехом. Губы мужчины медленно растягиваются, и его грудь смешно начинает подниматься. А сам издаёт булькающие звуки.

Живот сводит от боли, но мне настолько смешно, что слёзы появляются в глазах. Потихоньку успокаиваюсь, уже тихо посмеиваясь, и перекручивая эту сцену в голове.

— Ты и, правда, ангел, милая. Как этот мир тебя ещё не сожрал? — Слова лорда Марлоу смущают меня, не нахожусь, что ответить, пожимая плечами.

— Я, наверное, невкусная, — произношу и откусываю булку.

— Я не улыбался целый год, а сегодня выполнил свою программу максимум. Теперь ты будешь моей сиделкой, — заявляет он, передавая мне тарелку с остывшим супом.

— Мне нужно убрать комнаты, но и к вам я могу заглядывать. Джефферсон рассчитывает на меня, и я не могу его подвести, — ставлю всё на поднос, искоса поглядывая на реакцию от моих слов.

— Я добавлю жалование.

— Мне несложно просто так к вам заглядывать и следить, чтобы вы ели.

— Бесплатно? — Его брови удивлённо ползут вверх.

— Конечно. Мне это будет в радость, вы такой замечательный и мой первый друг. Ох, наверное, лорды не могут быть в друзьях у такой как я...

— Милая, я почти за честь быть твоим другом, — старческая рука накрывает мою, и в карих глазах вижу тепло, которого не было ещё несколько часов назад.

— Это для меня будет честью находиться рядом с вами, — ласково отвечаю я.

Улыбаемся друг другу, и мне невероятно хорошо внутри. Лорды и правда замечательные люди, отзывчивые, с характером и добрые.

— Что здесь происходит, Роджер? — Громкий женский голос раздаётся от двери. Испуганно отскакиваю от мужчины, ноги цепляются одна за другую, рукой задеваю поднос, опрокидывая всё на пол. Как и сама оказываюсь на полу.

— Энджел!

— Кто это такая?

В один голос сливаются два, распахиваю глаза, быстро подскакивая на ноги, и замираю, смотря на женщину... о ней нельзя сказать, что она просто женщина. Королева. Белоснежные волосы заколоты в какую-то невероятную причёску, голубые глаза блестят от злости, идеальный макияж делает её моложе своих лет, а тонкие губы, накрашенные алой помадой, сурово поджаты.

— Леди Марлоу, — восхищённо шепчу я. Да и как ей не восхищаться. Она настолько элегантная, что, наверное, сама королева бы ей позавидовала. Осанка, стройная фигура в дорогом брючном костюме. Бриллианты, сверкающие в ушах и на пальцах. Гордо вздёрнутый подбородок и... просто леди.

— Какое неуважение! Кто это такая, Роджер? Что это за девка, с которой ты любезничаешь?! — Продолжает она возмущаться.

— Ох, вы не так поняли. Совершенно не так...

— Молчать! — Обрывает меня таким высоким тоном, что проглатываю слова, меня даже в холодный пот бросает.

— Прекрати истерику, Илэйн, — спокойный голос лорда Марлоу обескураживает ещё больше. Да я трясусь, как осиновый лист, а он, вздыхая, смотрит на свою жену скучающим взглядом.

— Истерику? Истерику?! — Взвизгивает леди Марлоу.

— Эта милая девушка согласилась быть моей сиделкой, я принял её, и она работает на нас, к тому же. Поэтому заканчивай свой спектакль и вернись к той причине, которая

побудила тебя ворваться в мою спальню, — мужчина дарит мне улыбку, а я не могу ответить тем же, опуская взгляд в пол.

— Вон! Пошла вон отсюда! Она уволена, ты меня понял? Она уволена! — И кажется, что меня сейчас ударят. От этих мыслей опасно двигаюсь, уклоняюсь на всякий случай от рук леди Марлоу, что так активно ими жестикулирует.

— Милая, до вечера, — вдогонку мне говорит лорд Марлоу.

— До вечера? Роджер...

Вылетаю из спальни, разрешая себе дышать. Господи, мне стало действительно страшно от неё. Вот это сила. Вот это королева. И меня уволили, не в первый раз уже. Видимо, у меня неудачная полоса в жизни, ведь муж должен поддержать свою жену в решении. Жалко, я так и не потанцевала здесь.

Бреду по лестнице, раздумывая, как скажу о своём увольнении брату, да и всей семье. Придётся рассказать всё так, как оно было. Очень грустно оттого, что не увижу лорда Марлоу, но хотя бы немного заработала и уверилась, что лорд и леди бывают. Они живые люди и очень эмоциональные. На удивление, мне понравилась леди Марлоу, она такая невероятно властная.

— Эй ты, — проносится рядом незнакомый голос, а я иду дальше по коридору. Вряд ли кто-то обращается именно ко мне.

— Ты что, оглохла? — Незнакомец, на которого поднимаю голову, ошеломлённо смотря в бегающие серо-голубые глаза, крепко хватая меня за локоть. Очень высокий и лицо его строгое, как у моего учителя по биологии в школе.

— Вы со мной говорите? — С сомнением интересуюсь я.

— А здесь есть кто-то ещё? — Недовольно отвечает он, отпуская мой локоть.

Оглядываюсь, чтобы увериться в том, что именно меня звали.

— Видимо, ко мне, — вздыхаю, ожидая расчёта. Как быстро здесь всё работает.

— Пошли, — мужчина, разворачиваясь, идёт в противоположную сторону от той, куда шла я.

Непонимающе следую за ним, смотря себе под ноги.

— Тебе за что платят? Чтобы ты гуляла тут? Какое невообразимое хамство и своеволие! Ты должна убрать спальню...

— Но...

— Цыц! — Не успеваю возмутиться, поджимая обиженно губы, когда он поворачивается ко мне, выставляя худощавый палец перед моим лицом.

— Немедленно уберись в спальне миледи Марлоу. Быстро, а затем начинай убираться в других комнатах. Отрабатывай свои деньги, — толкает меня в спину к закрытой двери.

Находясь в шоке от такого обращения, да и от приказа, смотрю вслед мужчине, продолжающему бубнить себе что-то под нос. Вероятно, лорд Марлоу уговорил свою жену меня оставить? Какая удача. Воодушевляюсь своими мыслями, и распахиваю дверь, оказываясь в сказочной бело-розовой спальне. Это детская, хотя какая-то странная. Но я точно знаю, что здесь живёт ребёнок. Аромат. Совсем иной, отличающийся от одеколонов и духов, пыли и затхлости. Пахнет чем-то сладким и ванильным. Рассматриваю высокую кровать с белоснежными балдахинами, дотрагиваясь до них пальцами. Здесь всё такое нежное, для маленькой принцессы. Скорее всего, тут живёт дочь Энтони. Но странно то, что здесь нет игрушек. Совсем нет ничего, что могло бы напомнить настоящую детскую. Ничего даже не разбросано, всё стоит на своих местах. Мои бы племянники эту комнату перевернули вверх дном за несколько минут, а тут... какой должна быть воспитанная и милая девочка.

Заправляю аккуратно постель, замечая розоватый предмет под подушкой. Тянусь рукой и нащупываю что-то мягкое. Достав предмет, охаю. Это текстильная кукла... хм, когда-то была, ведь в моих руках только тело. Тело без головы. Наверное, так расстроилась эта девочка, что кукла порвалась. Забираюсь на постель, отодвигая множество подушек, но головы нет. Сползаю с постели, поднимая ткань, и заглядываю под кровать. Радостно

улыбаясь, нахожу голову, и достаю её. Да, это очень печально для маленькой принцессы порвать куклу. Она должно быть много значит для неё.

— Ты порвала мою Присциллу, — недовольным голосом говорят рядом со мной. Поворачиваюсь, встречаясь с голубыми глазами, смотрящими на меня со слезами. Ангел. Белокурые вьющиеся волосы, собранные в две изящные косы, милое розовое платье и такого же цвета колготки с туфельками.

— Ох, нет, милая. Я нашла её...

— Ты порвала мою куклу, наглая прислуга! — Кричит она, указывая на меня пальцем.

— Нет, что ты...

— На помощь! Быстрее! Она порвала мою куклу! — Девочка кричит настолько громко, что у меня в ушах начинает звенеть.

— Нет...

— Убийца! Убийца кукол! — Визжит она, топая маленькими ножками. Я даже не могу сказать что-то, ибо визг, продолжающий стоять в спальне, не даёт мне связно мыслить и прекратить это.

— Миледи, — в спальню вбегают запыхавшийся Джефферсон.

— Эта, — девочка указывает на меня пальцем, — порвала мою куклу. Она влезла в мою спальню, помяла мою постель, прыгая на ней своими грязными ногами, и разорвала мою куклу. Я требую её уволить!

Обескуражено смотрю в уставшие глаза Джефферсона, ища помощи. Тяжело вздыхает, на секунду закрывая глаза.

— Конечно, миледи. Энджел, иди на кухню, — произносит Джефферсон.

— Но...

— Тебе неясно сказано? Или ты дура? — Перебивает меня это создание.

Открываю и закрываю рот от полного шока. Как такой ангел может быть настолько обиженным на меня? Наверное, из-за куклы.

— Энджел, прошу, отправляйся на кухню, — с мольбой в голосе говорит Джефферсон.

— Конечно, простите, — кивая, огибаю девочку и мужчину.

— Что за глупое имя? Энджел? — В спину слышу её голос, когда выхожу из спальни.

— Нормальное имя, — шепча, смотрю на свои руки, продолжающие держать голову и тельце.

А если я почию её? Может быть, именно кукла стала причиной такого поведения? Иногда дети цепляются за какую-то игрушку, и любой вред для них схож с апокалипсисом. И видимо, для этой крошки это именно так.

Теперь бы понять, куда мне идти. Оглядываюсь, не понимая, где я, вообще, нахожусь. Карту бы мне, да вряд ли тут она есть. Замечаю девушку, выходящую из спальни с грязным бельём.

— Подожди, — окликаю её, добегаю до двери, помогая закрыть её за ней.

— Да?

— Подскажи, где здесь кухня? Как туда пройти? — Спрашиваю я.

— Ах, кухня. Тебе нужно вернуться туда, где была ты. Затем пройти прямо, и увидишь лестницу по ней спуститься и пройти пролёт в обратном направлении, там ещё одна лестница. После неё поворачиваешь налево в бальные залы, и там уже найдёшь, — услужливо объясняет она.

— Спасибо большое, — улыбаясь, разворачиваясь, и прохожу снова мимо спальни, где

раздаются недовольные детские выкрики и усталый голос Джефферсона. Вот это характер. Уже с пелёнок знает, что хочет и чего не потерпит. Феноменально.

Иду по коридорам, надеясь, что больше никого не встречу. Какой у меня насыщенный день, да и устала немного от сильной эмоциональной встряски. Наконец-то добираюсь до кухни и вдыхаю горячий воздух. Несколько женщин крутятся возле огромных плит, здесь жизнь идёт таким быстрым ходом, что меня чуть с ног не сбивает одна из них, пронося на противне заготовки булочек.

— Энджел, иди сюда, — зовёт меня Кэрол. Улыбаясь ей, маневрирую между суеязющимися женщинами.

— Привет, меня прислали к вам, — произношу, наблюдая, как она быстро смешивает что-то в глубокой чашке.

— Джефферсон сослал тебя к нам, чтобы ты отдохнула. Он всегда это делает, — смеётся она, вытирая руки о передник.

— Что это? — Удивляется, указывая на мои руки.

— Ах, это. Я была в спальне у маленькой девочки и нашла там куклу. Она так расстроилась, что она разорвана и обвинила меня...

— Снова проказы Венди, — подаёт голос одна из женщин.

— Проказы? — Хмурюсь.

— Да, ты новенькая и не знаешь, какая мелкая пакостница эта Венди. Трюк с куклой и её визгом был примерно раз десять уже, — отвечает другая женщина, мягко улыбаясь мне.

— Вообще-то, двенадцать, — смеётся та, что ставила булочки.

— Зачем? Зачем она делает это? — Вздыхая, я смотрю на разорванную куклу.

— Потому что она истеричка, как её мать и бабушка. Наглая мелкая засранка, избалованная ими. Она сама порвала её, и все на это ведутся. Тебе повезло, что это кукла, а не ножницы или нож, — усмехается Кэрол.

— Нож? — От шока, даже присаживаюсь на лавку, что стоит рядом со столом.

— Ага. Она Донну так напугала, — кивает Кэрол.

— Бедная Донна, она беременна и ей нельзя было так волноваться. Венди решила, что Донна отличная мишень для метания ножей...

— О, Господи! И никто ей ничего не сказал? — Ужасаюсь такому.

— Нет, конечно. Она только пугает ножами, ей всё прощается. Она выставляет всех виноватыми, кроме себя. Хорошо, что Джефферсон вовремя появился, а то было бы чего похлеще, если бы это был призрак Освин. Неприятный тип, приехал вместе с этими, — похлопывает меня по плечу одна из женщин.

— Но, всё же, нитки есть? Может быть, она злится, потому что никто не собрал её любимую игрушку, — предполагаю я, пытаюсь найти разумное объяснение такому поведению.

— Ага, она не милая девочка, Энджел. И не ищи в ней этого, она вырастет стервой, как её мать. Но нитки есть, глянь в первом шкафчике, там наверху найдёшь, — указывает мне Кэрол, возвращаясь к готовке.

Неправда. Каждый ребёнок хороший, просто многие не видят этого. У детей нет насущных проблем, вроде работы, попыток выжить в этом мире. За них обязаны думать родители. Именно обязаны, и никак иначе. Это большая ответственность, и если уж взялись, то надо сделать детство незабываемым. Дело даже не в деньгах, у нас их было недостаточно для богатой жизни, но это не сделало меня хуже или несчастнее. Наоборот, я научилась

радоваться всему, что имею и что приносит мне судьба. Я обожала наши посиделки вечером возле камина, когда можно забраться на папу и чувствовать запахи масла и железа, впитавшиеся в его кожу. Это детство, которое у всех должно быть.

Делаю последний стежок, затягивая нить и отрывая зубами. Смотрю на свою работу. Как новая, ей понравится. Уверена, что должна Венди обрадоваться.

— Боже, спасите меня! Пожалуйста, спасите, иначе я волосы себе повыдергаю! — Крик от входной двери, и как смерч мимо меня проносится девушка, размахивая блокнотами, падая на лавку.

Смех женщин и стоны девушки, роняющей голову на сложенные руки на столе, вызывают улыбку. Какая хорошенькая. Очень хорошенькая рыжеволосая девушка, с яркими зелёными глазами и пухлыми губами. Она ладненькая, ей очень идёт зелёный свитер и канареечного цвета джинсы.

— Валери, что опять? — Ещё смеясь, интересуется Кэрол.

— Ты не поверишь! Она хочет воздушный шар! Я всё понимаю, — девушка вскакивает с места, начиная метаться по кухне, — она хочет неоновых рыбок, драконов, снежных чудищ и всю эту чепуху. Но шар?! На улице мороз и ни одна служба не согласится отпустить его из замка! Ни одна! А ей подавай голубой шар! И чтобы обязательно блестел!

— Не пугайся, Энджел, это Валери — организатор свадьбы, — обращается ко мне Кэрол. Девушка замолкает, замечая меня, и расплывается в улыбке.

— А это кто? — С интересом осматривает меня, сидящую в углу с куклой. — Не говорите, что она новая няня! Боже, детка, беги отсюда! Беги так далеко, как только сможешь!

— Нет, она не няня, расслабься. Она решила, что если зашьёт куклу, то поможет злючке-Венди превратиться в доброго ангела, — издаёт смешок Кэрол.

— И она ангел, вы просто не заметили этого, — уверенно произношу я, вставая с места и протягивая руку Валери.

— Приятно познакомиться, — она пожимает мою руку, лучезарными глазами продолжая оценивать меня.

— Мне тоже, даже очень приятно. Так вот, — отнимает свою руку, поворачиваясь к присутствующим, — я сказала, что попытаюсь, так она снова начала угрожать тем, что я никогда не найду работу в мире. Напыщенная дура.

— А может быть, направить её так, как ты хочешь? — Предлагаю я.

— Лучше пристрелить её и дело сделано, — хмыкает Валери, снова падая на лавку.

— Это её свадьба, каждая хочет быть принцессой и запомнить этот день на всю жизнь, — замечаю я, опускаясь рядом с Валери.

— Она была замужем пять раз. Она просто хочет потратить больше денег Марлоу, и наконец-то быть принятой в обществе. Она даже залетела специально от Энтони, дабы зацепиться за них, — с отвращением отвечает Валери.

— Почему сразу залетела? — Удивляюсь я.

— Потому что она сама так и сказала. Да дочь ей не нужна, она не воспитывает её. Всё образование даёт ей леди Марлоу, оплачивает курсы, одежду и тому подобное. И не удивительно, что две сучки нашли друг друга. Всё я побежала, а то мне эта снесёт голову. Она планирует осмотреть восточное крыло, где и будет проходить церемония, — девушка подскакивает и так же быстро, как и влетела сюда, исчезает.

— Ну что, ещё не сошла с ума тут? — Смеётся Кэрол, возвращаясь к готовке.

— Скоро сойду, — отвечая себе под нос, смотрю на куклу в моих руках.

Тяжелее случая я ещё не видела, чем здесь. Но всё же, должна быть причина.

— А выходит она замуж за... — не заканчиваю предложение, потому что не знаю, как это сделать.

— За Дьявола Марлоу, — отвечает мне одна из кухарок.

— Его так и зовут Дьявол? — Улыбаюсь я.

— Нет, его имя Артур, но для всех он Дьявол. Всегда в чёрном, с такими же глазами. Холодный. Надменный... — говорит Кэрол.

— Не разговаривает ни с кем, очень редко. Да и только, чтобы как-то уязвить или уволить, — продолжает другая женщина.

— А ещё говорят, он жестокий. У него нет женщин, и он был любовником Хелен. И даже поговаривают, что это его дочь, а Энтони взял на себя обязательства, потому что тот её бросил. Отвратительный тип, — добавляет следующая кухарка, передёргивая плечами.

— И веет от него холодом. Когда он проходит, то как вампир забирает всю твою энергию, оставляя только плохое. Все боятся его, он выползает только под вечер, воскресая из мёртвых, — устрашающим голосом произносит Кэрол.

— Начинает охоту за юными созданиями, чтобы выпить их кровь, — подливает масла в огонь другая.

— И оставить бездыханные тела себе, забрав душу в преисподнюю, — прямо над ухом раздаётся другой голос.

Сглатываю от ощущения неприятного липкого пота, что собирается на спине.

— Каждый день у него новая жертва. Будь осторожна, Энджел, он за твоей спиной, — подойдя ко мне, прямо в лицо быстро произносит Кэрол.

Тут же раздаётся грохот от двери, визжу от страха, подпрыгивая на месте. Хохот взрывается на кухне, а я с укором смотрю на Кэрол, пожимающую плечами.

— Над чем смеётесь, дамы? — И всё же здесь есть мужчина, который интересуется весельем надо мной.

— Мы рассказываем про Дьявола Марлоу, — поясняет Кэрол.

Оборачиваюсь, встречаясь взглядом, с зелёно-кариими глазами парня. Русые волосы разбросаны по плечам и от его улыбки появляются восхитительные ямочки. Очень знакомые ямочки.

— Энджел? Не может быть! Энджел! — Радостно произносит он, сгребая меня в охапку и поднимая в воздух.

— Джек, — улыбаюсь я, обнимая парня.

— Боже, какая ты маленькая. Так и не ешь кашу, — укоряет он меня, опуская на пол.

— Не помогла, как видишь, — смеюсь, разглядывая его. Наверное, если бы не эти ямочки, в которые была влюблена в десять, и в тринадцать, и даже в шестнадцать, то ни за что бы его не узнала. Да, было дело, но сейчас всё иначе. Он мне, словно брат, которого я так давно не видела. Хотя к брату нельзя чувствовать то, что происходило со мной.

— Я слышал от матери, что ты прилетела. Но не успел зайти, а ты тут!

— Да, меня уже два раза попытались уволить.

— О, да тут часто увольняют. Только зачем? Твоя мама говорила, что ты успешный адвокат в Нью-Йорке, — хмурится он, продолжая держать меня за плечи.

— Мне скучно, вот и решила немного скрасить время, — продолжаю улыбаться, хотя так неприятно лгать.

— Джек! Мне нужна твоя помощь! — От двери раздаётся крик.

— Иду! Прости, мне надо бежать, но ты тут! Невероятно, но тут. Дождись меня, и я доведу тебя до дома, поболтаем, — на ходу говорит он, скрываясь за дверьми.

— М-м-м, Джек, — тянет Кэрл.

— Прекрати, — отмахиваясь от неё, оборачиваюсь к заинтересованным женщинам, перешёптывающимся друг с другом.

— Красавчик. И он до сих пор влюблён...

— Кэрл, мы были детьми, — перебиваю её.

— Но целовались вы не по-детски, пока Айзек не навалял ему, — смеётся она.

— Мы не целовались, просто его рукав застрял в моей молнии, каким-то образом, — цокаю от этих воспоминаний.

— Ага, так мы все и поверили тебе, — и снова смех, от которого только закатываю глаза.

— Всё, я пошла. Вернусь в северное крыло и продолжу работать, — выхожу из кухни, продолжая улыбаться.

Джек. Мы не целовались, честно. Тогда не целовались, мне было всего четырнадцать. Но момент был прекрасен. Лето, мы смотрели на замок и мечтали о всяких глупостях. Стало очень холодно, и он одолжил мне свою куртку. Его руки дрожали, а моё сердце трепетало, пока не получилась эта глупая ситуация, о которой всем рассказал Айзек. После этого мы уже скрывались, чтобы никто не подумал о нас дурного, занимаясь ещё большими глупостями, чем раньше. А сейчас мы выросли, и всё осталось в прошлом. Теперь всё иначе, даже укол несильной боли в сердце не помешает мне улыбаться ему и забыть обо всём, начав всё с нового листа.

— Вот она! Вот эта порвала мою куклу и украла её! — Детский крик застаёт врасплох, пока я поднимаюсь по лестнице.

Резко поднимаю голову, встречаясь с ледяным взглядом карих глаз, прикованных ко мне. Эти глаза не дают двигаться, словно замораживают каждую частичку моего тела. Такого я в жизни не испытывала. Страх. А ведь это всего лишь женщина, одетая с иголки, но столько презрения в её взгляде, что меня передёргивает.

— Я...

— Вот эта грязная прислуга украла мою куклу! Видишь! Видишь, она у неё в руке! — Продолжает визжать Венди, указывая пальчиком на меня.

— Нет, я её не украла...

— С каких пор позволено наёмным работникам говорить с нами? — Сухо перебивает меня, как я понимаю, мать девочки. Опуская взгляд, ищу подходящие слова, чтобы объясниться.

— А как ещё отбелить себя? — Тихо спрашиваю я, поглядывая на неё исподлобья. Но словно не слышит меня, поворачиваясь к дочери.

— Я устала от тебя, Венди. Разберись сама, я тебя этому учила. Ты будущая леди Марлоу, поэтому реши эту проблему так, как считаешь нужным, — раздражённо говорит её мать. Хмурюсь, вслушиваясь в разговор. Как можно так?

— Но...

— Отвяжись от меня, Венди. У меня дела, — отмахивается от неё Хелен, вспоминая её имя. Спускаясь мимо меня, оставляет после себя шлейф из тонкого дорогого аромата.

— Ты! Всё ты виновата! — Обвиняюще кричит Венди, сбегая по ступеням ко мне, но останавливается, чтобы быть выше. Смотрю на неё с жалостью, и не вижу ребёнка. Это маленькая женщина, которую заставили повзрослеть раньше времени, украв у неё всё, кроме положения, и обучения этому.

— Я заштопала твою куклу и не крала её, милая, — как можно мягче произношу я, протягивая ей игрушку.

— Ты что сделала? Ты испачкала её! Посмотри, ты оставила пятна и нитка белая! А моя Присцилла розовая! — Выхватывает у меня игрушку, крутя её в своих руках.

— Так ничего нет, Венди. А нитки. Какие нашла, такими и пришила. Ты ведь её любишь. Разве важно какой ниткой она пришита? — Всматриваюсь в блестящие от злости голубые глаза.

— Она стоит уйму денег, каких ты никогда не видела. Выброси её, и я увольняю тебя, — швыряет куклу к моим ногам. Тяжело вздыхаю, поднимая игрушку.

— Она не отличается особо от того, что было. И меня уволить ты не можешь. Как только станешь совершеннолетней, тогда и будет у тебя возможность командовать. А меня нанимала не ты, — спокойно отвечаю я выпрямляясь.

Топают ножкой, сжимая кулаки от ярости. Боже, бедный ребёнок.

— И если она тебе не нужна, то я отдам её детям, которые будут рады. Они будут беречь её и аккуратно играть, чтобы передать своим братьям или сёстрам, — продолжаю, наблюдая за реакцией девочки. Кажется, что это только подливает масла в огонь.

— Таким же грязным, как и ты? — Шипит она, сужая глаза. И если бы я не видела её, то решила бы, что это взрослый человек. Сколько в ней ненависти ко всем, и лишь из-за того, чтобы быть ближе к матери.

— Я требую, чтобы ты выбросила её! И перед тобой миледи Марлоу, запомни это! Заруби себе на своём грязном носу! Обратишься ко мне иначе, всё расскажу леди Марлоу. И ты вылетишь отсюда. Не желаю, чтобы эти нищие играли с моей куклой, — снова топает ножкой, складывая руки на груди.

— Ты ещё не миледи, Венди. Чтобы быть миледи или леди, ты должна знать правила приличия. А ты их не знаешь, — качаю головой, поднимаясь по ступенькам.

— Ты должна быть примером для подражания. Дети, при виде тебя, должны восхищаться твоей красотой, добротой и манерами. А сейчас же ты лишь пример для детей, как не надо делать. И пока ты будешь такой, ничего вокруг тебя не изменится, — говорю, останавливаясь на одной ступеньке с ней.

— А это я забираю. Ты добровольно отдала эту игрушку, которая для тебя ничего не значит. Тебе купят ещё, а есть люди, которые работают, как я. И у них дети, не видящие такой красоты, что тебе доступна. Леди должна уметь делиться с людьми, одаривать их своей добротой и быть настоящей принцессой. А ты пока ещё не научилась этому. Леди никогда не станет вести себя, как ты. Тебе должно быть стыдно за своё поведение. И раз уж ты решила быть леди, то будь ей, а не копируй кого-то. Ты личность, так покажи это не криком и капризами. Изучи другую сторону своей души, милая. Я верю, что у тебя она есть, — улыбаюсь девочке, обескураженной моим тоном, моей манерой говорить с ней, как со взрослой. Но она умная и смыслёная, и с такими детьми необходимо говорить именно как с разумными существами, готовыми анализировать и думать. Мне очень нравится эта девочка, и мне хочется сделать для неё что-то значимое, чтобы вернуть ей радость, которую она не знала.

— Ты... ты не имеешь права... — губы Венди подрагивают, видимо, мои слова точно попали в яблочко и задели её.

— Имею, дорогая моя, имею. Я старше тебя и вижу больше, чем ты думаешь. Возьми свою игрушку, — протягиваю ей куклу, которую она нехотя берёт из моих рук. Даже с какой-то опаской, постоянно следя за моими движениями.

— Каждый человек может так же порваться, как твоя кукла. Это называется крахом. Но так же, как я её зашила, люди могут восстанавливаться, но уже изменившись. А как они изменятся, зависит только от них. Они должны захотеть быть теми, кто они есть. А не теми, кого они видят вокруг себя. Пусть тебе сопутствует удача, милая, а мне надо идти зарабатывать деньги, чтобы купить таких же красивых кукол для своих племянниц. Одна из них скоро появится на свет, — улыбаюсь ей несколько секунд, замечая, как неприятны ей мои слова. Поднимаюсь по лестнице, направляясь по коридору.

Отчего же Хелен так отстранилась от дочери? И они непохожи, я бы ни за что не приняла их за мать и дочь. Разный цвет глаз, кожи, овал лица. Они разные, очень разные. И объяснить я этого не могу. Но чувствую, что Хелен вселяет в меня непонятное и неприятное ощущение тяжести. А вот Венди, пусть о ней говорят, что она гадкая, но это не так. Она ищет любовь любым способом. Она пробует разные пути и, жаль, что ей никто не может сказать о том, что плохие поступки никогда не приведут её к тому, что она хочет видеть. Удивительный ребёнок, сколько смекалки и ума в её глазах.

— Энджел, я же сказал — сидеть на кухне, — чуть ли не сталкиваюсь с Джефферсоном.

— Я подумала, что могу вернуться к работе в северном крыле, — слабо улыбаясь, отвечаю, поднимая на него голову.

— Нужна помощь с ужином. Он будет в семь часов. И Лорд Марлоу изъявил желание, чтобы именно ты принесла ему еду в восемь, — указывает рукой на обратный путь.

— Ох, да. Девушка... женщина, у неё схватки и воды отошли, — вспоминаю я.

— Всё с ней хорошо, уже родила прекрасного мальчика. И у нас минус одной пары рук, как и помощи. Мы ничего не успеваем, и если так будет продолжаться, то этот старикашка выставит всех нас вон, — кривится Джефферсон.

— А я видела его. Он сказал мне убрать спальню Венди, — тихо смеясь, иду рядом с ним.

— Освин. Осёл тот ещё, и мнит себя богом среди дворецких. Тычет мне в лицо его званием и членством в сообществе лучших дворецких Англии. Напыщенный индюк, — фыркает мужчина, продолжаю хихикать. Это правда очень весело, не поделили они между собой право за первенство, вот и соревнуются. Как мальчишки.

— А украшать дом будем? К свадьбе или Рождеству? — Интересуюсь я, спускаясь по лестнице и отмечая, что Венди уже нет.

— Нет. И больше не говори об этом, Энджел. Любое лишнее движение и тебя уволят, особенно это касается Рождества.

— Почему? Ведь у них свадьба сразу после него? А бал? — Изумляюсь этому.

— Старший сын лорда Марлоу погиб как раз в Рождество, когда мы веселились в городе, его машину занесло, и он свалился с обрыва. Хороший был мужчина, добрый очень, — грустно объясняет Джефферсон.

Хмурюсь, ведь лорд Марлоу сказал иное. Они скрывают это, верно, чтобы никто не знал, насколько слаб был прекрасный человек, потерявший себя в этом мире. Одновременно с этим невероятное тепло разливается по телу, понимая, что мне доверились. И никто иной, а сам лорд.

— Энджел, помоги мне, — войдя на кухню, мне тут же в руки вкладывают поднос, нагруженный хлебом, всевозможными видами выпечки и мой желудок от этого сжимается.

— Пошли. За мной, — командует другая девушка, и Кэрол толкает меня в спину из кухни. Вздыхаю и быстрым шагом следую за ведущей меня через бальный зал в другую комнату, что не видела ещё.

Ночь уже накрыла город своей темнотой. Свечи, горящие на длинном столе, придают невероятно красивую атмосферу большой столовой. Камин потрескивает и хочется замереть, задержать время, чтобы впитать в себя эту обстановку старой Англии.

— Ну давай же! Они уже скоро придут и всё должно быть готово! — Крик отрывает меня от любования мебелью.

— Прости, — шепчу я, подходя к столу, и подставляя поднос, чтобы девушка забрала у меня хлеб.

Они и ужинают, как истинные короли. Столько приборов, всё блестит в свете свечей. Сказка, которую вижу, поднимает меня к небесам, ведь бывает. Всё в этом мире бывает, и я наблюдаю такую красоту.

— Принеси суп, — дают мне следующее указание. Киваю, разворачиваясь и чуть ли не бегу до кухни. Кэрол ставит мне на поднос супницу, возвращаюсь обратно в столовую, смотря, как носятся люди. Только один ничего не делает, дворецкий Освин. Наблюдает за всем, сложив руки за спиной. И, наверное, ему так много видно со своего роста, очень похож

на жирафа. Но у нас не Африка, и ему очень должно быть холодно. Это вызывает смех. Подавляю его, слыша новую просьбу принести жаркое. Меня поторапливают, и я несусь со всех ног на кухню, крича указание. Сдуваю прядь с лица, неся ароматный ужин. Вот бы ложечку этого блюда. Только ложечку, и я буду ещё счастливее. Но блюдо уже стоит на столе и меня отправляют обратно на кухню.

— Стоять, — прекращает шум резкий голос. Не знаю, мне ли это. Но на всякий случай останавливаюсь, оборачиваясь, и все замерли в том положении, что делали. Боже, я сейчас уже в голос рассмеюсь.

— Ты, останься, — Освин указывает на меня и ведёт пальцем к стене.

— Все вон отсюда, только те, кому приказано остаться встают по своим местам. Живо-живо, — хлопает в ладоши. Какая-то девушка, подхватывая меня за руку, тащит к стене.

— Что происходит? — Шепчу я.

— Хозяева идут. В зале оставляют шесть человек. И нельзя поднимать головы ни в коем случае. Мы тут как подтверждение их статуса, — так же отвечает девушка.

— Но...

— Тише. Никаких разговоров! Вылетите отсюда! — Злой крик, и я, сжимая рот, смотрю в пол.

Наступает идеальная тишина, настолько, что я слышу всё происходящее и, кажется, даже быстрое сердцебиение всех присутствующих. Тяжёлые шаги. Несколько их. Цокот туфель и быстрые, перебивающие их. Через несколько секунд воздух наполняется смешанным ароматом нескольких видов духов. От голода меня начинает тошнить, жмурюсь, дабы пережить это. Мне необходимо поесть, попрошу Кэрол об этом. Стулья двигаются, и хозяева садятся. Немного поднимаю голову, но успеваю посмотреть, как меня ударяет несильно по бедру девушка, стоящая рядом.

— Нельзя, — одними губами произносит она.

Почему они не разговаривают? Только стук ложек по посуде, и всё. Ни одного слова, вообще, ничего. Словно не люди здесь, а призраки. Это очень странно для меня, ведь у нас обычно шумно и даже при потреблении пищи голоса не смолкают. А здесь просто необычно, но, наверное, именно так ужинают высокопоставленные особы. Мне было бы очень скучно, а вот им нравится.

— Освин, почему она здесь? — Узнаю голос леди Марлоу.

— Кто?

— Вот эта, — что-то подсказывает, что именно на меня указывает женщина. Приподнимаю голову, и точно, она смотрит прямо на меня. Они такие красивые. Одни женщины, одетые в вечерние платья, как и Венди.

— Ты уволена! Тебе неясно было сказано? Вон отсюда, — громко произносит леди Марлоу, поднимаясь со стула.

— Простите, но я не могу, — где-то находятся силы ответить, хотя разумом понимаю, что это запрещено.

— Что? А ну-ка повтори, — обескуражено прикладывает руку к груди.

— Я не могу выполнить вашу просьбу, потому что обещала лорду Марлоу принести ему ужин и быть здесь завтра. Это неправильно нарушать обещания, и я так не умею, — сглатываю, а моё сердце уже отдаётся в ушах.

— Наглая девица! Вон! — Повышает она голос, взяв в руки тарелку и с силой бросая её о пол. Грохот и тысячи осколков, от этого вздрагиваю, и уже не думаю о том, что будет.

Вылетаю из зала, несясь на кухню. Боже, что же она меня так невзлюбила? Неужели, до сих пор считает, что между мной и её мужем что-то есть? Разве это не доказывает любовь? Конечно, доказывает.

— Энджел, наконец-то. Вот, отнеси лорду Марлоу. По лестнице налево, откуда снова по лестнице, направо, проход и ты в северном крыле. Быстрее, а то ему лекарства принимать скоро, — не успеваю я забежать на кухню, как Кэрол вручает мне поднос.

— Но...

— Энджел, давай, — меня выталкивают из кухни.

Уже ничего не соображаю. В голове стало пусто от адреналина, пробежавшего по венам, от такого отношения ко мне леди Марлоу. Но я могу обрадовать её мужа и уверить его в любви. Сколько раз за сегодня меня уволили? Не сосчитать. Но что-то словно помогает мне остаться в замке. Верно, это судьба. Значит, именно здесь я должна быть сейчас.

Запахавшись, дохожу до спальни лорда Марлоу. Нагибаюсь, локтем нажимая на ручку. Дверь поддаётся, и я вхожу в освещённое помещение. Лорд Марлоу так и лежит на постели, читая какую-то книгу. Поднимает голову, встречая меня улыбкой.

— Добрый вечер. Принесла вам ужин.

— Как вовремя ты, Энджел. Я уже заскучал от неугомонной девочки, — похлопывает по постели.

— Меня уволили снова, поэтому вряд ли я смогу прийти завтра, — печально произношу я, ставя поднос на одеяло.

— Придёшь, будь уверена. Без моего ведома никого не увольняют, тем более моих сиделок. Илэйн? — Усмехается он, принимая от меня тарелку с супом.

— Да, ваша жена, видно, приревновала вас ко мне. Невероятно, да? — Издаю смешок, передавая прибор и расстилая салфетку на его ногах.

— Очень, потому что это не так. Илэйн ждёт, когда я коньки отброшу. Ссылается на моё старческое слабоумие и боится, что я оставлю её с носом в своём завещании. А вот тебе отдам всё.

— Какая глупость! Зачем вам это делать? Тем более что это полная чепуха. Она любит вас и ревнует, — остаюсь при своём мнении, устало садясь на постель.

— Ела уже? — Интересуется он.

— Нет, дома поужинаю, — улыбаюсь.

— Не пойдёт так. Мне не съесть всего, поэтому бери другую тарелку и вперёд.

— Что вы?! Я не могу...

— Я приказываю, — перебивает меня, указывая на тарелку, закрытую куполом.

Не могу возразить, потому что действительно очень голодна.

— Спасибо, — открываю тарелку, а там то самое жаркое. Какое счастье. Хочется просто наброситься на еду, но сдерживаю себя, ощущая пристальный взгляд лорда Марлоу. И надо быть по максимуму воспитанной и знающей этикет. Но я так голодна. Руки даже трясутся, когда кладу себе в рот кусочек мяса. Божественная пища. Закрываю глаза от наслаждения.

— Простите, — шепчу я, открывая глаза и встречаясь со смеющимися тёмными.

— Кушай, милая моя, кушай, — лорд Марлоу принимается за свой суп.

Какой он добрый, и как его можно не любить? Эти чувства согревают меня, распространяются по всему телу, разнося по венам невероятное счастье. Мы так и ужинаем в тишине, съедая всё, что было в наших тарелках.

— Блаженство, — шепчу я, откалывая тарелку и предлагая лорду булочку и масло.

— Лучше разлей нам чай. Так ты раскормишь меня, и я стану огромным, — качает головой мужчина, передавая мне тарелку.

— Вам и полезно, — намекаю на его худобу, но он лишь улыбается.

— Какой аромат, — произношу я, передавая ему кружку.

— А ты попробуй, это любимый Энтони.

Делаю глоток, закрывая глаза. Кажется, что тысячи приятных иголочек одновременно покалывают мою кожу от букета трав.

— Опять? Снова она здесь? — Чашка с чаем летит из моих рук прямо на пол, вдребезги разбиваясь на осколки, когда я сама от крика подпрыгиваю с места.

— Илэйн, ты напугала бедную девушку, — вздыхает лорд Марлоу.

— Ты! Я требую её увольнения, Роджер! Она разбила наш фарфор...

— Он принадлежал моей бабушке, и я могу с ним делать всё, что хочу, — лорд Марлоу с силой швыряет кружку на пол, что осколков прибавляется, как и тёмные пятна проступают на потрёпанном ковре.

— Роджер!

— Милая, иди, отдыхай, и пришли кого-нибудь, чтобы здесь прибрались, — обращается ко мне он. А я моргаю от шока, так и замерев на одном месте, не успевая переводить взгляд то на мужа, то на жену.

— Нет! Скажи ей, что она уволена, — требует леди Марлоу, подходя ко мне.

— До завтра, дорогая, буду ждать тебя и завтрак, — улыбается лорд Марлоу и, кажется, ему нравится именно такое поведение своей жены. Быстро киваю и выбегаю из спальни, оставляя спорящих супругов из-за меня.

Боже.

Прикладываю руки к груди, и на губах расцветает улыбка. Ему точно это нравится. Именно ревность супруги необходима ему, как подтверждение её чувств. Посмеиваюсь, спускаясь по лестнице. Вот это лорд. И не скажешь, что он в возрасте. Да он ведёт себя, как юноша, требуя внимания от девушки именно таким способ. Я не против побыть тряпкой для быка, если это поможет ему выйти из спальни.

Останавливаюсь оглядываясь. Вот незадача, я заблудилась. Шла и шла, а теперь не знаю, где я. Полумрак и я не могу вспомнить, была ли я здесь. В итоге я когда-нибудь выйду, поэтому продолжаю идти по тёмно-бордовому ковру, рассматривая канделябры, зажжённые редко, что придаёт некую таинственность этому пролёту.

Замечаю висящую картину на стене и подхожу ближе, рассматривая чету на ней. Лорд и леди Марлоу одна тысяча девятьсот третий год. Издаю восхищённый вздох, всматриваясь в великолепное одеяние, что на них. Иду дальше, встречаясь со следующей четой, их детьми. Вижу настоящего лорда Марлоу в юности. И не удивительно, что его жена так ревнует его. Невероятный красавчик. Следом идёт другая картина, где стоит возле стула мужчина. Лорд Энтони Марлоу. Мой взгляд скользит по белоснежному костюму, что на нём. Поднимается к лицу. Задерживаю дыхание. Голубые глаза, которые передались Венди, смотрят прямо в меня. И даже вижу в них смешинки, что так любил его отец. Светлые волосы, коротко подстриженные, придают ему ребяческий и распутный вид. Он даже серьёзным не смог быть, когда его писали. Слабая улыбка, и я отвечаю такой же, разглядывая его.

— Вы невероятно красивы, милорд Энтони, — восхищённо шепчу я, рассматривая утончённые черты лица: пухлые, розоватые губы, лукаво изогнутые. От него глаз не оторвать. Принц, самый настоящий принц.

— И это ему не поможет больше, — раздаётся низкий, холодный голос. Он словно везде, буквально всюду. Окружает меня, издаю испуганный вздох оборачиваясь. Но только полоска света и темнота за ней.

— Здесь кто-то есть? — Прижав руку к груди, стараясь утихомирить быстро бьющееся сердце, спрашиваю я.

— Здесь есть та, кого не должно быть. Вы, — тот же голос и теперь откуда-то сверху. Поднимаю голову, снова оглядываюсь. Призраки? Или тёмный ангел? Боже, кто здесь?!

— Вы не могли бы выйти на свет? Невежливо разговаривать и прятаться, — задерживаю дыхание, прищуриваясь и всматриваясь в темноту. Сердце не прекращает своего быстрого стука, и это пугает меня. Невероятно сильно, потому что чувствую, именно в темноте прячется он. Незнакомец, что имеет возможность одним голосом заставить меня дрожать от страха. Мёртвый голос. Без эмоций.

Сперва появляется высокий силуэт. Втягиваю в себя воздух. Очертания человека становятся с каждой секундой реальнее и реальнее. Первое, что я вижу тёмные, чёрные глаза, в которых играют отблески горящего канделябра слева от меня. Огонь. Он превращается в ледяной огонь, полыхающий в этом тяжёлом взгляде, смотрящем на меня сверху вниз. Шумно выдыхаю, делая шаг назад. Дьявол Марлоу.

Кажется, что больше не могу дышать. Мужчина продолжает стоять напротив меня, поджав губы. Он огромный, его аура... что-то в нём очень большое и накрывает меня с головой. Невидимое. Сильнее взгляда, чем у него я не встречала. Мой взгляд пробегает по несильно отросшей щетине, затем по чёрному свитеру под горло и снова возвращается к глазам.

— Вы нарушили четыре правила, — смотрю на его губы, чётко выговаривающие слова. И хочется бежать, бежать от него.

— Да... я...я заблудилась, — голос от напряжения пропадает, моргаю. От волнения губы пересыхают, смачиваю их кончиком языка.

— Или же преднамеренно зашли на запретную территорию, — тоном неприемлемым ни единого объяснения говорит он.

— Нет, уверяю вас, нет. Если вы подскажите мне, то я немедленно уйду отсюда, — мотаю головой, поднимая её и снова этот взгляд, прожигающий меня насквозь.

— Вас уволили, как мне помнится. Несколько раз. Вы до сих пор здесь, — приподнимает одну бровь, не слыша даже моих слов.

— Лорд Марлоу... он... — замолкаю, не находя слов. Не могу ничего внятно произнести, смотря в эти глаза. И правда, словно забирает у меня силы, выпивает их, и становлюсь безвольной, желающей расплакаться.

— Он импотент, чтобы вы знали, — ехидная усмешка появляется на его губах.

— Я...о, боже, нет. Что вы... нет, я... он хороший, и мне надо идти, — бормочу, понимая, что ещё немного и, правда, слёзы покатятся по щекам, вкупе с горящими щеками и полубморочным состоянием от лишь одной его ауры. Резко разворачиваюсь и забыв о том, что там картина и стена, буквально врезаюсь в неё. Вскрикиваю от неожиданности и боли, от удара лбом в картину. Ноги каким-то образом буквально отнимаются, и я падаю. Не успеваю сгруппироваться, как оказываюсь уже на полу, издавая стон от боли в копчике. А этот мужчина так и стоит, даже не помогает мне, не предотвратил. Жмурюсь, а слёзы скапливаются в глазах. Больно. Очень больно. И боль везде. По всему телу распространяется, как обида, жалость к себе и усталость.

Мой взгляд натывается на ботинки. Чёрные. Отчего-то знакомые. Момент, который случился со мной в первой половине дня, ярко всплывает в памяти. Поднимаю голову, встречаясь с безразличным взглядом.

— Это были вы, — произношу я, поднимаясь с пола, хотя это больно. Тело ещё не пришло в себя от удара.

Смотрит на меня и ни единой эмоции, даже удивления нет, вопросов ничего. Бездушный. Как так быть может? Человек ли он?

— Это вы прошлись по белью и испачкали его, даже не удосужившись помочь мне подняться, — продолжаю я, приобретая уверенность. Наверное, это обида.

— Я не обращаю внимания на такие мелочи, тем более на обслуживающий неуклюжий персонал. Вы уволены, — равнодушно произносит он, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Я работаю на лорда Марлоу, и если он прикажет мне убираться, то только тогда, я это сделаю, — выпаливаю на одном дыхании.

Замирает, медленно оборачиваясь ко мне. Недобрый взгляд, полный смеха, злого и надменного смеха в глубине его зрачков, заставляет сделать шаг назад.

— Я и есть лорд Марлоу, мисс. Мой отец отрёкся от титула год назад, передав его мне. Поэтому вы уволены, убирайтесь отсюда, и чтобы я больше вас не видел, — цедит он. Дыхание сбивается, но стою и не двигаюсь.

— Почему? Почему я уволена? Потому что это мой первый день и ваш замок слишком большой, в котором я заблудилась? — Удивляюсь сама своему уверенному голосу, требующему объяснения.

— Что ж, вам нужны причины, — ухмыляется, полностью поворачиваясь ко мне.

— Первое — вы сломали замок в двери спальни моего отца, — делает шаг ко мне, а я от него.

— Я...я хотела там убрать...

— Второе — вы смотрите на меня, — ещё один шаг, упираясь в стену, рвано дышу от низкого, приглушённого тембра.

— Это запрещено? — Тихо подаю голос. Дрожит, сильно дрожит.

— Категорически, — делает ещё шаг, практически вплотную прижимая меня к стене.

— Третье — говорите со мной, да ещё и требуете от меня что-то, не понимаете приказов, и совершенно неподобающе ведёте себя со мной, как и с моей матерью, как и с моей племянницей. Я видел, как вы отчитывали ребёнка. Это не в ваших правах. Вы здесь прислуга, и должны знать своё место. А вы его не выучили, — горьковатый аромат доносится до моего носа. Втягиваю его, различая запах алкоголя. Коньяк, скорее всего.

— Чтобы показать ребёнку, что неверно, не нужно иметь какое-то особое место, — буквально шепчу я, поднимая взгляд на Дьявола.

— Вы слишком распушены и суете нос, куда не следует. Это запишем в четвёртый ваш порок, — теперь иной аромат, чего-то сладкого и терпкого протекает по моим венам вместе с кислородом. Шоколад. Голова кружится, кажется, сейчас упаду от напряжения.

— Желание помочь ребёнку не считается пороком, если его никто не воспитывает, — одними губами произношу.

— Так вы ещё и вульгарны, говоря со мной, как с равным. Это запрещено. Продолжаете смотреть на меня и, верно, уже готовы предложить себя, в качестве прощения за ваше место? — Насмешка, да такая гадкая, что это вызывает внутри смешанные чувства. Обиду. Желание бежать. Ответить. Защитить себя, в конце концов.

— Я говорю с вами, потому что вижу в вас обычного человека, сотворённого из плоти и крови. Вы ничем не отличаетесь от меня или других людей. Ваше положение не красит вас сильнее, чем других и не даёт вам полномочий оскорблять меня, хотя я ничего плохого не сделала. Если вас ударить, то вы ощутите боль, как и я. И ваше заявление о моих мыслях очень громкое, но не имеет во мне ни единого отклика, как и причин вам так думать. Одного звания мало, чтобы мыслить о вас, как о мужчине. Вы лишь тот, кто, не разобравшись, увольняет людей, что хотят работать, оставляя здесь безвольных кукол. Не смотреть на вас. Не говорить. Не дышать. Право, вам необходимо на кладбище, там вы будете удовлетворены в своих желаниях. Никто не нарушит ваши правила, ибо мертвы, — замолкаю, ужасаясь сама тому, что произнесла. Отблеск огня в тёмных глазах и желваки, явно показывающие мне — занесло не туда. Но зачем же... зачем я это сказала.

— Простите, — тут же шепчу я, опуская взгляд. — Простите, но вы неправы. Сильно неправы...

— Вон, — одно слово, и оно как ледяной ветер врывается в мою грудь.

— Уволена? — Жмурюсь от того, что вырвалось изо рта. Как же глупо.

— Вон, — повторяет он, так и не двигаясь. Подавляет меня этой тёмной силой, что в нём. Сглатываю, протискиваясь в сторону.

— Раз я уволена, то могу сказать вам честно и без утайки, что Венди заслуживает родителей, которые будут её любить, а не пренебрегать ею. И раз вы лорд, то вам бы поучиться у своего отца, как быть настоящим. Ваше сердце изо льда, раз вы спокойно наблюдаете за тем, как он угасает, и не желаете ему помочь. Вы безразличны ко всему, и мне вас очень жаль. Жить в таком прекрасном месте и не соответствовать ему. Люди правы, вы Дьявол, — проговорив это, бросаю на мужчину последний взгляд, с надеждой, что поймёт, что достучусь до него. Одновременно ужасаюсь от своей наглости.

Его глаза превращаются в две узкие полоски, и видно только черноту. Бежать бы, да ноги не двигаются. Корю себя за горячность, но поздно. Теперь убьёт...

Разворачивается и исчезает в темноте, оставляя меня одну с тяжёлым ощущением на душе. Издаю облегчённый вздох, прикрывая глаза рукой.

Возможно, я не имела права говорить это. Да, возможно, я заслужила увольнение. Но что-то непонятное, жалость, наполнило грудь и захотелось хоть немного, совсем чуть-чуть донести до него страшную опасность, что таит в себе такая манера поведения.

Перевожу взгляд на портрет Энтони, продолжающего улыбаться мне глазами.

— Помогите им, ведь вы здесь. Не дайте им полностью погрузиться во мрак, — шепчу, обращаясь к нему. Вздыхаю и разворачиваясь, иду по коридору. Надо найти дорогу. И так обидно, что слёзы всё же капают из глаз. Смахиваю их, не желая предаваться унынию. Нет, не позволю этому человеку забрать у меня мою душу, и окрасить её в чёрный.

Это их выбор жить именно так, и я ничего не изменю. Ни капли. Отчего же мне этого хочется, очень хочется увидеть, как малышка будет счастлива. Не могу перестать думать о ней, плутая между коридорами.

— Энджел, вот ты где, — поворачиваясь, смотрю, как ко мне быстрым шагом подходит Джефферсон.

— Простите, я заблудилась, — слабо улыбаюсь. Сил нет, никаких. Ни физических, ни моральных.

— Пойдём, — мужчина указывает мне рукой в обратном направлении.

— И как тебе сегодняшний день? Сильно устала? — Интересуется он.

— Скажите, это правда, что лорд Марлоу это сын, а не отец? — Спрашиваю я.

— Да. После смерти Энтони, которому было подарено это звание перед Рождеством, Роджер Марлоу отказался вовсе от него. Теперь его носит младший его сын. Но все привыкли называть его милордом, поэтому так и продолжается, — поясняет Джефферсон.

— Сколько ему? — Знаю, что не моё дело, но всё же произношу это.

— Тридцать четыре, — чётко отвечает мне. — С чего такой интерес к этому мужчине, Энджел? Ты же не собираешься...

— Нет, что вы. Вы же знаете меня, я до жути любопытная и сломала замок в одну из спален, — перебиваю, мотая головой.

— Ох, да. Лорд Марлоу-старший сказал, что это ничего. И он желает видеть тебя завтра.

— Но меня уволили. Настоящий лорд уволил, я...в общем, я видела его буквально недавно. Он отчитал меня и уволил, — тяжело вздыхаю я, поворачиваясь к Джефферсону.

— Он всего лишь сын, милая. А отец нанимает тебя в качестве сиделки, и ты будешь

продолжать убирать спальни. Просто не попадайся на глаза его сыну, и всё будет хорошо, — заверяет меня останавливаясь.

— Как он добр. Я могу идти домой? — Оглядываюсь, оказываясь в гостиной.

— Да, но сначала поешь. Кэрол ждёт тебя. А у меня есть ещё дела, — кивает он.

— Ой, совсем забыла. Лорд Марлоу-старший просил, чтобы в его спальне убрали разбитые чашки, — вспоминаю я, замечая улыбку на лице Джефферсона.

— Уже послал. До завтра, дорогая, отдыхай.

Это да, отдых мне точно необходим. Так и не спав ночь, теперь я ощущаю, как глаза слипаются и полное изнеможение. Иду к кухне, заходя туда. Шум из-за разговоров за столом, где обслуживающий персонал ужинает. Первый раз хочу остаться одна. В тишине.

— Энджел, садись. И Джек попросил тебя подождать его, он подбросит тебя. А мне необходимо ещё сделать заготовки на завтра, — Кэрол подталкивает меня к столу. Две девушки и три мужчины приветливо мне улыбаются, и я отвечаю им тем же. Но говорить не хочу.

Вожу ложкой по тарелке, так и не испробовав суп. Жаркого в спальне лорда Марлоу-старшего было достаточно. И мне не хочется ждать никого. Тихо встаю, относя свою порцию к раковине и оставляя там. Под шум исчезаю из кухни, направляясь к служебному помещению, где осталась моя одежда.

Снимаю свою испачканную форму в чае, пыли, да и уже неприятно пахнущую. Складываю её в большую корзину, где лежит форма других. Переодевшись, набрасываю на себя пуховик и выхожу из замка, вдыхая морозный воздух.

Не горит ни единого фонаря, это место погружено во мрак. А когда-то оно подсвечивалось, и так прекрасно выглядело с маяка, что могла всю ночь смотреть на него. Каждый дом имеет своё настроение и этот, заведомо красивый и сказочный, сейчас полностью принадлежит тьме. И не осталось у меня никаких доводов, чтобы окрасить в яркие тона поведение его жителей. Наоборот, всё так плохо, что мне самой становится не по себе. словно тень лорда Марлоу-младшего следует за мной по пятам, наблюдает за тем, чтобы я покинула это место и никогда не возвращалась. Я им не нравлюсь, этому дому я точно не пришлась по душе. Это беспокоит меня, ведь я никому не желала зла, а лишь помочь. Но видимо, как и обычно, люди не хотят принимать ничего от меня. Так же было и в Нью-Йорке. Да-да, я знаю всё, что моё видение мира отличается от их, но мне необходимо во что-то верить, потому что не желаю превращаться в заколдованное сердце холодом и безразличием.

Уже выхожу за пределы замка, как кто-то хватает меня за локоть. Кричу от страха оборачиваясь.

— Ты чего, Энджел? Это я, — улыбаясь, Джек удивлённо смотрит на меня, а я быстро дышу. Полностью погрузилась в свои мысли, и на секунду показалось, что это та тень, что идёт рядом со мной.

— Я звал тебя, а ты даже не слышала. Пришлось бежать, — продолжает он, отпуская мой локоть.

— Устала и отключилась как-то, — выдавливаю из себя улыбку, согревая руки в карманах пуховика.

— Будь тут, хорошо? Я сейчас подгоню машину и подвезу тебя, а то идти по такому морозу... просто брр, — передёргивает плечами, подтверждая свои слова.

— Да, конечно. Спасибо, — киваю я. Парень разворачивается и бежит обратно.

Поднимаю голову, улыбаясь устало снежинкам, что ложатся на моё лицо. Как же это приятно. Покалывание на коже и гармония. Зимняя пора время необычных совпадений, магии и сказочной мечты. Но так ли это? Возможно, это всего лишь зима и ничего более. Может быть, я слишком много возлагаю надежд на это время года, да и на судьбу, что так сегодня показала мне, насколько люди противятся всему. Наверное, пришло время менять не других, а себя? Но разве это не будет означать предательство по отношению к себе? Не знаю, этот человек так забрался в мою голову, оставив после себя неприятную пустоту, и она давит...

Сигнал клаксона автомобиля обрывает мои мысли. Джек выпрыгивает из машины, которая когда-то принадлежала его отцу. Я помню её. Он катал меня на ней, а я была в восторге от его зрелости.

— Садись, — кричит он, подбегая к другой двери и распахивая её для меня.

— Спасибо, — забираюсь в машину, пристёгивая ремень безопасности.

Да, здесь пахнет не так, как в дорогой машине, но именно запах железа, бензина и ароматизированной ёлочки для меня приятны. Именно то, что необходимо. Напоминание — радоваться мелочам, из которых состоит наша жизнь. Радоваться всему, что дарит она и имеет за пазухой. Просто радоваться, даже если этого делать не хочется. Через силу.

Джек везёт меня в тишине по дороге, спускающейся к городу. И я слишком увлечена собственными ощущениями, чтобы хоть как-то подумать о нём, понять, насколько он нервничает. Слово никого нет, только я. Наверное, это всё же усталость. Мне требуется сон.

— Хм... Энджел, — заминаясь, говорит Джек. Поднимаю голову, замечая, что стоим мы уже рядом с моим домом.

— Да? — Заставляю себя прекратить думать о том, что произошло сегодня. Хватит. Поворачиваясь к парню, смотрю в его глаза.

— Возможно, я веду себя глупо, — нервно смеётся в кулак, взъерошивает волосы. — Не могу поверить, что ты тут. Я думал о тебе каждый день... ладно, не каждый, но за пять лет я вспоминал о тебе, все эти года вспоминал. Было так неожиданно твоё поступление в Нью-Йорк, а потом отъезд, что не успел сказать. Я был влюблён в тебя всегда. Я идиот...

— Перестань. Джек. Ты не идиот, мы были слишком юные и глупые, решившие взять на себя слишком много, — улыбаясь, тянусь к его руке, сжимая тёплые пальцы.

— А сейчас мы выросли, ты вернулась, и я тут. Айзек уже не будет бить мне морду, если я приглашу тебя куда-нибудь.

— Джек...

— Скоро праздник, мы же каждый год устраивали такого рода веселье, когда общались. И, может быть, покатаемся на коньках или просто посидим в сугробе, как раньше. Или я угощу тебя элем, а ты расскажешь мне, как это быть американкой, — перебивает меня. Издаю тяжёлый вздох, отнимая свою руку из его.

— Да, конечно. Для меня это было бы очень... в общем, конечно. Если только у нас будет время, работа в замке занимает весь день, — мнусь я, не зная, как правильно ответить и не обидеть его.

— Мы найдём выход и обедать можем вместе, — радостно отвечает он, распахивая дверь и спрыгивая на землю. Отстёгиваю ремень, а Джек открывает мою дверь, предлагая мне руку.

— Завтра я могу подхватить тебя. К семи я еду в замок, — предлагает он, продолжая держать мою руку.

— Да, спасибо. Не знаю, какие планы у Айзека...

— Он забирает Лили, — улыбается Джек.

— Лилиан, да? У него с ней... — аккуратно высвобождаю руку, делая ей взмах.

— О, да. Уже три года, — смеётся Джек. Идём к моему дому.

— Он не говорил.

— Потому что жениться не хочет, пока не накопит на свой дом. Ты ведь знаешь его, вечно недовольный.

— Жениться надо в своё время. Оно должно прийти, когда нет никакого отрицания этого и уверенность в том, что делаешь. А раз он ещё не готов, то, значит, его время не пришло. Не стоит торопить события, в этом и была наша ошибка. Это наша жизнь и мы должны в первую очередь слушать себя, а не кого-то другого, — замолкая, вижу широкую улыбку Джека.

— Ты не изменилась, Энджел. Продолжаешь верить в чудо, и сама приносишь его. Я скучал по тебе. Очень скучал по этим разговорам, по твоим глазам, что загораются во время твоей речи про сказку и любовь. Этого мне не хватало, с тобой хочется верить, что не так всё у нас плохо, — опускает взгляд, и его улыбка приобретает оттенок грусти.

— Конечно, у вас всё хорошо, Джек. И я тоже рада тебя видеть, — поглаживаю его по плечу.

— До завтра, я очень устала, — приподнимаюсь на цыпочки, чмокая его в щёку, и направляюсь к лестнице, не отметив, как замер парень, как вспыхнули его глаза и как он отреагировал на это. Просто не придаю значения, хочу безумно спать.

— До завтра, Энджел, — оборачиваюсь, подмигивая парню, и скрываюсь за дверью, оказываясь в таком шуме, что он ударяет по барабанным перепонкам.

— Она дома!

— Тётя Энджел!

— Милая, привет.

На секунду теряюсь в галдеже, моргаю и не могу уловить ни одну мысль, смотря на маму, подходящую ко мне.

— Привет, — стягиваю шапку, а мама помогает мне снять шарф и пуховик, забирая вещи и вешая их на вешалку в коридоре.

— Проголодалась? Пойдём, — не успеваю ответить, как меня уже тянут в гостиную, а оттуда в столовую, где меня встречает папа, Донна, супруга среднего брата. Они определённо, о чём-то говорили, потому что, когда вошли мы с мамой, повисла тишина, и только визги детей слышны.

— Как дела? — Интересуется Донна.

— Нормально, устала немного, а так всё понравилось, — улыбаясь, присаживаюсь на стул. Они продолжают на меня смотреть, и мне становится не по себе.

— Что происходит? — Прищуриваюсь. Мама ставит передо мной запечённую картошку в сливочном соусе.

— Оставьте её в покое, у неё отпуск, — мама строго смотрит на каждого, начинают странно улыбаться, перекидываясь взглядами.

— Не хочу, мам. Я поужинала в замке, только бы чаю, — произношу я, откидываясь на спинку стула.

— И как тебе замок? — Спрашивает папа.

— Красивый, очень красивый, — медленно отвечая, смотрю на сестру, едва

сдерживающуюся что-то спросить.

— Донна, что ты смотришь так на меня?

— Мы всё видели, — её улыбка становится шире, садится на стул рядом, а я непонимающе хмурюсь.

— Что вы видели?

— Ты и Джек. Такие милые...

— Вы идеально друг другу подходите!

— Как хорошо, что вы встретились и он привёз тебя.

— Джек хорошая партия для тебя...

— Стоп! — Громко обрывая голоса женщин, благодарно киваю маме, передающей мне чашку чая.

— Девочки, оставьте Энджел в покое, — говорит папа, но по взгляду вижу, что это сказано лишь для того, чтобы соблюсти приличия. Ему тоже интересно.

— Ну так он пригласил тебя на свидание? — Обращается ко мне Донна.

— Не ваше дело, — мотаю головой, отпивая горячий чай. Хорошо как.

— Но уже пора, Энджел! Ты в Нью-Йорке никого не нашла...

— Донна, прекрати, — обрывает её мама, глядя меня по волосам.

— Ты сама хочешь, чтобы она вышла за Джека и осталась тут. Так чего скрывать от неё это? И судьба, в которую ты, кстати, так веришь, сестрёнка, тебе благоволит. Ты же любила его, — продолжает Донна.

— В пятнадцать была слегка влюблена, и судьба мне показала, что это не была та самая любовь, — пожимаю плечами, хотя разговор мне не нравится, но надо это сделать, чтобы они оставили меня и больше не трогали своими разговорами о моём будущем.

— Просто года прошли, и сейчас вы уже взрослые, можете двигаться дальше, — произносит Рыг, жена Питера.

— Да, отчего бы не сходить с ним куда-то? Тем более ты любишь это время года, зимняя сказка, — поддакивает папа.

— Я работаю, напоминаю вам, и мне нравится работать в замке. И могу с уверенностью сказать, что Джек — замечательный парень, красивый и работающий, но не мой. Просто не мой, это я знаю наверняка, — чётко произношу я, вставая со стула и ставя кружку на стол.

— Когда ты интересно понять это успела? — Хмыкает Донна.

— Иногда не требуется много времени, чтобы знать — человек для тебя или нет, — спокойно отвечаю я.

— Но тебе двадцать пять, Энджел, уже пора бы подумать о семье. Или ты стала карьеристкой, которых показывают по телевизору, им не нужно ничего, кроме денег. Ты думаешь в них счастье? Мы с Полом пытались завести ребёнка с первого дня нашей семейной жизни, и только сейчас нам повезло. И ты никогда не узнаешь, что это такое, если будешь ждать своего принца...

— Донна, хватит, — резко говорит мама, посылая ей предостерегающий взгляд. Но разве её остановить? Нет. Она всегда была такой, слишком умной, слишком знающей всё и слишком правой, по её мнению.

— О, да бросьте, все устали от этой позитивной Энджел, которая все проблемы видит в хорошем ключе. Мечтает о принце на белом коне и сказке, что выучила наизусть с детства. Но сказок не бывает, бывает реальность. И пора бы тебе очнуться в ней, в этом доме, где родители все эти пять лет себе места не находили, желали, чтобы ты вернулась, молча

потакая тебе. А ты не слышала никого и ничего, кроме себя. Да, ты у нас умная, получила крутое образование, а мы нет. Но в отличие от тебя, мы счастливы и у нас есть дети, наше продолжение. А кому ты передашь все свои глупости? Так и будешь жить с родителями и ждать до гроба идеального мужчину, который верит в твои сказки. Обратись в психиатрическую клинику, там тебе найдут пару, — эти слова, сказанные на повышенных тонах, слишком болезненно сейчас влияют на меня. Смотрю на сестру, как и все здесь и больно. Действительно, больно оттого, что она считает меня именно такой.

— Каждый счастлив в своей жизни, Донна. И если для тебя это выйти замуж в восемнадцать, повторить пример родителей, то у меня существуют иные ценности. Мне неважно, сколько мне лет, мне важно, чтобы тот, кто должен быть рядом со мной, создал для меня не сказку, а гармонию. И твои слова очень циничны, жестоки по отношению ко мне лишь потому, что я имею другие взгляды и другие мечты, нежели ты. Я сама пойму, что мне делать и с кем делать, и не лезьте в мою жизнь. Мне двадцать пять, ты верно заметила, и я могу сама принять решение, кем мне быть. Психбольной или просто человеком, верящим в любовь до гроба. Я выбираю второе и даже если умру одна, то ни о чём не буду жалеть. Лучше так и жить, чем выходить замуж, потому что пришло время. Это моя жизнь, и я буду строить её так, как сама хочу. Всем доброй ночи. Mam, поднимешь меня в шесть? Джек заедет, чтобы отвезти меня замок. — И не волнует сейчас, что сестра кипит от злости из-за моих слов. Я высказала то, что думала. И на это я тоже имею право.

— Конечно, милая. Доброй ночи, — кивает мама, натянуто мне улыбаясь.

Разворачиваюсь и выхожу из кухни, слыша, как мама отчитывает всех за их поведение, иду быстрым шагом к своему подвалу. Наверное, это усталость заставляет меня сжаться комочком на постели и уткнуться в подушку, чтобы выплакать туда всё напряжение, которое прожила за этот день.

Сон принёс с собой облегчение. Облегчение, потому что мои силы вернулись, а все мрачные мысли, одолевшие меня вчера, исчезли. Я полна сил и хочу вернуться в замок, чтобы увидеть лорда Марлоу-старшего. Даже карты отыскала в многочисленных коробках, дабы занять его и развеселить. Оставив записку для Питера о том, что он должен съездить в банк, как вернётся, и с уверенностью в самое лучшее выхожу из дома.

— Привет, Джек, — радостно говорю я, забираясь в его машину. Утром порой даже прошлое кажется реальным. Словно не было пропущенных лет.

— Привет, прекрасно выглядишь, Энджел, — улыбается мне, нажимая на педали.

Вот и всё, слова не приходят на ум, чтобы спросить что-то или же как-то завести разговор.

— Сегодня много снега, — это очень глупо выходит, кривлюсь от своих слов.

— Да, его всегда много зимой. Ты забыла уже, наверное. Каждое утро приходится подниматься в пять, чтобы очистить хоть немного дорожку и откопать машину. В Нью-Йорке его не так много? — Смеётся он.

— Бывает, но сразу же тает. Иногда лежит пару дней, не больше. А такой сказочной погоды не бывает. Только здесь.

— Когда возвращаешься? — спрашивает он.

— Пока не знаю, билет не купила, но на праздники здесь, — пожимаю плечами, уже выучив эту ложь.

— Вот тебе и твоя судьба — остаться с нами.

— Может быть, — дарю ему улыбку и отворачиваюсь, чтобы не продолжать этот диалог.

Всё же натянутость присутствует между нами. В детстве мы были близки, нас связывали именно те года, поступки, мысли, мечты. А сейчас всё разное. Пять лет довольно большой срок, чтобы потерять прошлое и не знать будущего с Джеком. Да и не хочу. Я знаю, знаю настолько точно, что он не для меня. Я не смогу сделать его счастливым, дать ему то, в чём он нуждается. Другого ни для него, ни для себя я не хочу.

Замечаю, что мы уже подъезжаем к боковому входу, где толпятся люди, курят мужчины, да и жизнь кипит.

— Энджел, может быть, пообедаем...

— Спасибо, что подвёз, Джек. Но мне пора, нужно спешить. До встречи, — быстро произношу я, перебивая парня. Не даю даже вставить слово, выпрыгиваю из машины и быстрым шагом направляюсь в замок.

Ох, это было отвратительно, но обедать с ним... знаю, к чему это ведёт. Знаю и не хочу. Мне необходимо с ним поговорить, чтобы объяснить...

— Энджел, — издаю испуганный вздох, когда меня обхватывают за плечи.

— Джефферсон, доброе утро, — улыбаюсь ему, ругая себя внутри, что забылась и чуть не налетела на него.

— Я рад, что ты пришла. Вчера замотался и забыл тебе отдать, — отпускает меня, отгибая край пиджака. Вкладывает мне в руки конверт, из-за мыслей о Джеке не улавливаю причины действий мужчины.

— Это зарплата. Тут не оформляют контракты, так как сильная текучка. Поэтому в

конец дня я раздаю всем конверты, — заметив на моём лице смятение, объясняет он.

— Ах, да. Спасибо, — вот надо было забыть и об этом. Я ведь здесь ради денег, ну и всё же возможности потанцевать в замке.

— Лорд Марлоу-старший будет ждать завтрак к восьми утра. Затем он ляжет спать, а ты прибери в центральном крыле, потом обед и северное крыло. Ужин и ты свободна, — Джефферсон начинает идти, и я за ним, кивая на его указания.

— Хорошо, тогда до вечера, — отвечаю, скрываясь за дверью в служебное помещение. Щебетание женских голосов и я мнусь, застенчиво кивая им. Подхожу к своему шкафчику, снимаю верхнюю одежду и прячу туда конверт. Девушки, не стесняясь своей полунаготы, переодеваются в форму, а я специально медленно расправляю форму, выкладываю карты, чтобы не забыть их. Жду, когда они освободят помещение, чтобы быстро переодеться.

Приведя волосы в более или менее должный вид, так и лезущие в глаза, после утреннего душа дома, выхожу и направляюсь на кухню. Ароматы выпечки, жареного мяса и каких-то трав наполняют воздух. Невероятно жарко здесь, и так вкусно.

— Доброе утро, — говорю всем, отмечая, что Кэрол нет.

— Доброе, дорогая. Пока присядь, сейчас отдам завтрак для дамочек, а потом твой, — одна из женщин подталкивает меня к скамье.

— А где Кэрол? — Успеваю спросить, пока она не занялась своим делом.

— Приходит к восьми сегодня. Она вчера поздно домой пошла, не успела тебя предупредить, что у Конрада сдача анализов в госпитале. Не волнуйся, скоро будет...

— Марта! Сучка Хелен уже визжит, — в кухню забегает девушка, обращаясь к этой женщине.

— У нас всё готово, забирай, — настолько чётко и быстро работают, а я наблюдаю за ними, оказываясь в полном хаосе. Какие-то крики, что-то ещё требуют залетающие люди из обслуживающего персонала.

— Энджел, привет, — не замечаю, как входит Кэрол, только её поцелуй в волосы.

— Привет. Как Конрад? — Улыбаюсь ей, а передо мной уже ставят поднос.

— Ох, обычные анализы перед каникулами, а то потом не успеем, — бросает она на ходу.

— Для лорда Марлоу, — говорит Марта.

— Скажите, а здесь всегда так? — Интересуюсь, подхватываю поднос и встаю с лавки.

— Нет, сегодня уезжают женщины в Лондон, там какие-то проблемы со свадебным платьем. Наконец-то, будет тишина. Давай, иди, а то у лорда Марлоу приём лекарств в девять, — подгоняют меня.

Киваю, выходя из кухни, и теперь бы не заплутать, как вчера. Надо меньше попадаться на глаза Дьяволу. Как только в голове проносится эта кличка, то инстинктивно оборачиваюсь, вновь приобретая следующую за мной тень, его тень, что всё видит. Это лишь моё восприятие, моя фантазия, и не только. Он обычный человек, несколько грубоват, но обычный же. И чем меньше я буду думать о нём, видеть его или попадать в какие-то неприятности здесь, тем спокойнее мне будет.

— Доброе утро, лорд Марлоу, — с улыбкой поизношу я, входя в спальню. И, на удивление, быстро нашла проход, правда, несколько запыхалась, но нашла.

— Теперь утро определённо доброе, Энджел, — отвечает он, садясь на постели.

— Сегодня вы сами открыли шторы, — замечаю я, ставя поднос на кровать.

— Я и не закрывал их. Что у нас на завтрак? — Радуется, что он в приподнятом

настроении.

— Каша и тосты с маслом, — отвечаю, поднимая купол.

— Гадость какая. Вот поэтому я не ем, они кормят меня как в госпитале. А мне бы что-нибудь повкуснее, — жалуется он, пока я передаю ему чашку с кашей.

— Я передам, — обещаю ему, наливая чай с молоком в кружку.

— И у меня для вас есть подарок, — достаю из кармана фартука колоду карт, вертя их в руке.

— Бридж, как давно я не играл. После завтрака мы с тобой поиграем, — говорит он, доедая кашу.

— Чуть позже, мне надо убрать центральное крыло. Но вы можете разложить пасьянс, лорд Марлоу, — передаю ему чай и тост.

— Да?

— Вы отреклись от титула? Вчера... хм, я видела вашего сына. Одного и другого. Картину и самого...

— Дьявола, — заканчивает он за меня. Приподнимаю брови в удивлении, что он в курсе этой клички.

— Милая, со слухом у меня всё хорошо, и это даже веселит меня, — спокойно объясняет он. — А ответ на твой вопрос — да. Я отрёкся от титула, а точнее, передал его Энтони за несколько дней до его смерти. Но он умер и по закону завещания он переходит Артуру. Но ко мне до сих пор так обращаются.

— Понятно, простите, что снова заставила вас вспомнить об утрате, — скованно улыбаюсь, собирая грязную посуду.

— Знаешь, я обдумал твои слова. Они крутились в голове всю ночь, и стало легче. Никогда не мыслил в таком ключе, и, видимо, именно твои слова, милая моя, повлияли на меня. Конечно, и твоя напористость, — произносит мужчина, и я расцветаю.

— Тогда буду ещё навязчивее, и сообщу вам, что в этой спальне пахнет просто отвратительно. Её надо бы отмыть и проветрить, комнат здесь много и вот вам ещё мысль — перебраться пока в другую, а я эту уберу, — делюсь с ним своими выводами, отчего он смеётся.

— Обещаю подумать.

— Тогда до встречи, лорд Марлоу, — делаю книксен, хихикая, и подхватывая поднос, выхожу из спальни.

Обожаю, когда наступает новый день, именно из-за таких подарков. Это невероятно греет сердце, когда люди меняют мнение из-за моих слов, которые моя семья называет глупостями. Просто многим людям нужен толчок, они уже готовы двигаться дальше, но боятся вернуться в этот мир, бояться того, что другие их не примут снова. Людям необходима поддержка и разве сложно это сделать? Нет, ни капли, а какая отдача будет... что-то невероятное. Вот она магия, и её может сотворить каждый. Жаль, что не все это понимают.

Оставив поднос на кухне и спросив, где находится центральная часть, на невидимых воздушных крыльях поднимаюсь по лестнице, улыбаясь до сих пор от слов лорда Марлоу-старшего. Значит, вчера я была именно здесь, портреты так и висят на стенах. Подмигиваю Энтони, проходя мимо него, только вот я не знаю, с какой комнаты начать и где тут служебное помещение.

— Привет, — раздаётся за спиной детский голос.

Оборачиваясь, встречаюсь с голубыми глазами и широкой улыбкой Венди.

— Привет, красавица. Тебе очень идёт этот наряд, как и вчерашнее платье, — отмечаю я с улыбкой чёрные брючки, белую рубашку и затянутые волосы в хвост... Хм, жаль, что она портит настоящую волну её локонов утюжком, ведь вчера они были настоящие, а сегодня выпрямленные и прилизанные. Это слишком взросло для девочки, но, видимо, маленькие леди ходят именно так.

— Спасибо, — кивает она, подходя ко мне, — я бы хотела извиниться за своё поведение вчера.

— Всё хорошо, я не обижаюсь, но ты можешь мне помочь, — присаживаюсь на корточки. — Я не знаю, с какой спальни мне начать и где взять всё для уборки.

— Конечно, я покажу. Хелен и миледи уехали, поэтому начни с их спален. А то, что тебе нужно в самой последней комнате, — услужливо подсказывает она.

— Спасибо тебе большое, не знаю, как бы я выкрутилась без тебя. Ты прекрасная помощница, — улыбаюсь ей, поднимаясь и направляясь к служебному помещению.

Я ведь говорила всем, что это хороший ребёнок, ей всего лишь был необходим толчок. Она замечательная и такая добрая. Как Венди указала, комната самая последняя, где я нахожу всё, что мне требуется. Налив воды в ведро, подхватываю всё необходимое и выхожу, замечая, что девочка до сих пор стоит на том же месте, как и раньше.

— Ты что-то хочешь, Венди? — Интересуюсь я, подходя к ней.

— Я хочу с тобой, — эти слова, так неожиданно сказанные Венди, останавливают меня и рождают внутри любовь. Глубокую. Сердце щемит от голубых увлажнившихся глаз, от взгляда такого взрослого и одинокого.

— Конечно, ангел мой, конечно, — киваю я несколько раз. — Ты можешь выбрать, куда пойдём сначала.

— Вот сюда, — охотно произносит Венди, подходя к ближайшей двери, и распахивает её.

Вхожу в спальню, где витает аромат тонких женских духов и кажется даже теряю дар речи, оказываясь в истинной спальне богини. Ванильные тона, лёгкие ткани, льющиеся с потолка, словно райские дороги. Расписанный потолок объёмными цветами и растениями, старинная мебель, идеально сохранившая свои цвета до этой минуты.

Ещё под властью восхищённого шока ставлю ведро и бросаю тряпки на пол. Здесь не нужно ничего убирать, всё блестит от чистоты, даже зеркальный столик убран и нет ни единого подтверждения, что тут кто-то живёт. Кроме расправленной постели и шёлкового халата, висящего на спинке кресла.

— Миледи любит, чтобы в её спальне после уборки пахло розами. Если не будет пахнуть, то она уволит, — от любования меня отрывает голос Венди, уже сидящей на кровати.

— Ароматизатор? — Уточняя, перевожу на неё взгляд.

— Да, служанки берут его там же, где и ведра, — кивает ребёнок.

— Спасибо за подсказку тебе, сказочная фея, будь здесь. Я мигом, — выхожу из спальни, буквально паря над землёй. Настолько счастлива, что этот ребёнок подобрел ко мне, и мне веселей убирать спальню. Да ещё и помогает мне, прекрасная девочка.

Перерыв все полки, так и не нахожу ни единого намёка на ароматизатор. Но должен же быть. Снова осматриваю комнату, переставляю средства для уборки, всевозможных фирм, тщательнее перечитывая этикетки. Может быть, кто-то забрал?

Выхожу из комнаты, решая, что уберу другую, пока не вернут необходимый ароматизатор

для леди Марлоу, я так поняла, что это её спальня. Но всё же странно, как Венди называет её...

Мысли мои резко обрываются, когда вхожу в спальню. Шокирована и не могу двинуться от бардака, что творится здесь. Перья летают по воздуху, пуфик перевернут, а вся постель изрезана до матраса.

— Что... боже, что здесь произошло? — Шепчу я, а мне на голову ложатся перья. Смотрю на Венди, улыбающуюся мне.

Мой взгляд проносится по разорванному тюлю, что идёт от потолка, только теперь он висит ужасной тряпкой внизу, словно когтями его изуродовали. Не замечаю, как Венди обходит меня, оказываясь за спиной. Да я настолько потрясена, что больше сказать ничего не могу.

— Скорее! Сюда! Скорее! — Крик Венди врывается в мой разум. Вздрагиваю от неожиданности и оборачиваюсь к ней.

— Освин! Освин! — Визжит она, а меня всю трясёт от увиденного и даже деревянная дверь вся изрезана чем-то.

— Мисс Венди, что тут... — мужчина, которого видела вчера, осекается, как только видит это безобразие, творящееся вокруг меня.

— Посмотри, ты только посмотри, что она сделала! Вчера порвала мою куклу, а сегодня! Ножом! Она испортила спальню леди Марлоу ножом! — Вережит Венди, указывая к моим ногам. Перевожу взгляд, всё ещё не отойдя от шока. И верно, прямо рядом со мной лежит большой кухонный нож. О, господи, она же могла пораниться!

— Какое безобразие! Ты сполна заплатишь! Я сейчас же вызову полицию! Сейчас же! — Яростно кричит Освин, указывая на меня пальцем, размахивая руками.

— Нет...

— Она специально это сделала! Она должна всё оплатить, а ведь скоро леди Марлоу вернётся! Её надо посадить в тюрьму, чтобы никогда здесь не появлялась, — не могу поверить, что ребёнок так мило, общавшийся со мной, к которому я всей душой прониклась, подставил меня. И эти слова, что вылетают из её рта, пропитаны ядом и ненавистью. Её глаза буквально излучают превосходство и это страшно. Ей ведь всего семь...

— Это не я, — тихо произношу, а сердце от паники и подсчёта стоимости громко разрывает моё дыхание. Они, конечно, поверят ей, а я?

— Ну я сейчас тебе задам! — Мужчина делает шаг ко мне, а я отскакиваю от страха. Никто не бил меня ни разу в жизни, но чувство самосохранения заставляет закрыть голову руками.

— Что здесь, чёрт возьми, произошло?! — Словно раскат грома надо мной разрывает воздух голос. Руки падают, как и душа куда-то вниз.

— А вы посмотрите, милорд, что эта наглая девица сделала. Она ещё и не признаётся! — Бушует Освин, отходя в сторону и вновь активно жестикулируя.

А мой взгляд прикован к мужчине, одетому во всё чёрное, смотрящего в меня. Именно в меня, словно читает все мои страхи сейчас, ища лазейку, куда сможет пробиться его темнота. Чувствую, как кровь стучит в ушах, как тело всё немеет, начинаю даже задыхаться.

— Дядя Артур, вы должны её наказать немедленно и сурово. Посмотрите, она даже нож не спрятала, а я успела увидеть, как она с такой злостью рвёт одеяло. Да ещё проклинала всех. Она злая, очень злая и наглая. Она ненавидит этот дом, — подливает масла в огонь Венди.

Но её слова где-то далеко раздаются от меня, я продолжаю смотреть в чёрные ледяные глаза, казнящие меня прямо здесь и сейчас намного острее, чем предательство со стороны Венди. Он заведомо вынес мне вердикт...

— Снова вы, — сухо произносит лорд Марлоу-младший, делая шаг в спальню.

— Просите... простите... это не я... правда...

— А ну, закрой рот, наглая девица! Я немедленно вызываю полицию! — Перебивает мою жалостливую речь Освин, порываясь выйти из спальни, но один взгляд, брошенный на него Дьяволом, заставляет остановиться.

— Я сам отдам распоряжение, займись своими делами, — ровным голосом говорит он.

— Но, милорд, ведь...

— Ты забыл, с кем говоришь? — И ведь тональность не меняется, но подтекст, что даже я от него сглатываю.

— Как прикажете, милорд, — Остин кланяется ему и оборачивается, всем видом показывая мне, что это не последняя наша встреча. А я ни жива, ни мертва, но холод внутри понемногу слабеет.

— Дядя Артур, миледи будет крайне недовольна, — перевожу взгляд на Венди, видя триумф в глазах. Наверное, именно это переворачивает всё, лишает разума и ставит на первое место борьбу за этого ребёнка. Борьбу за её будущее, за её сердце, за душу, за жизнь. Не могу оставить это так, не могу позволить ей превратиться в человека, который никогда не увидит красок, а лишь серость.

— И вы так ей спустите это с рук? — Слышу свой голос сквозь вату в ушах от переживаний за юное создание. Немного дрожит, как и мои руки.

— Вы знаете, что это не я. Не первый раз ваша племянница вытворяет такое, не так ли? И вы на это закрывали глаза, не наказав её за крайне отвратительное и неподобающее поведение. Растить особу, думающую, что ей всё можно только потому, что она голубых кровей. Разжигать в ней пламя ненависти ко всем, кто захочет с ней подружиться. Именно такой должна быть леди? Такую модель поведения вы оставляете ей? — Продолжаю, хоть губы и трясутся от страха, но пусть в последний раз, но я выскажу всё. Попытаюсь хотя бы.

— Это вас не касается. Вы уволены и вам выставят счёт за испорченную мебель, как и постель, — приподнимает голову, сухо отвечая мне.

— Ох, нет, это касается именно меня, потому что именно я осталась виноватой, а ваша девочка безнаказанной. Что дальше будет, вы хоть на секунду задумались? Она могла и меня оцарапать, и тогда легко бы я подала на вас в суд! И вы можете вызвать полицию, только я потребую, чтобы сняли отпечатки пальцев с ножа, до которого я не дотрагивалась. Поверьте, я знаю законы. Вы не имеете права вот так оставлять это! В кого вы хотите её превратить? Вы должны сейчас наказать её, потому что в таком возрасте непозволительно вести себя так, — громко произношу я.

— Ты! Да я ненавижу тебя! Ты это сделала!

— Венди, принеси свои извинения этой женщине и иди к себе, — перебивает крик девочки лорд Марлоу.

— Я не собираюсь...

— Одних извинений мало, милорд. Я требую, чтобы её наказали, потому что именно меня она попыталась осквернить своими действиями. Мою репутацию, моё имя и только я имею право назначить ей наказание за такое, — делаю уверенно шаг к мужчине. Спокойно

смотрит на меня, складывая руки за спиной, словно ему всё равно, словно не его это будущая дочь. И это страшит. Этот холод, отчуждённость и безразличие.

— Вы диктуете мне правила, мисс? В том ли вы положении, чтобы делать это? — Сухо отзывается он.

— В том. Вы можете снова указать мне на иерархическую лестницу, но я имею на это право сейчас. И если вы этого не сделаете, то я сама вызову полицию и именно так проучу этого ребёнка, — требовательно говорю я. Сердце бешено стучит от ярости, но не на Венди, а на него, что позволяет это, что не углядел, и недодал ей необходимого внимания. Да что ж он за человек?

— Угрожаете мне? Это смешно, — и вновь пустота во взгляде.

— Нет, — вздыхаю, бросая быстрый взгляд на ребёнка, поджавшего обиженно губы, — нет, я вам не угрожаю. Всего лишь хочу донести до вас, что с годами такого рода поведение выйдет за границы дозволенного. И вы упустите время, когда могли предотвратить проблемы, которые нависнут над ней.

— И что вы предлагаете? Какое наказание для вас приемлемо? — Безынтересно спрашивает он.

— Пусть уберёт всё, что натворила. Соберёт перья, отнесёт в пакеты изрезанное бельё, составит список, что требуется заменить. К этому возрасту ребёнок уже должен уметь писать, — произношу я, уверенно смотря в его глаза.

— Это её работа, а не моя! Она...

— Довольно, Венди, убирай спальню, через час я проверю, — обращается к ней, а я смотрю на этого ребёнка, что так погряз в чьей-то модели поведения и ужасаюсь. Виноватый взгляд, наполненный неискренними слезами, приложенная к груди рука и весь облик, словно актриса на сцене. Она знает, как вести себя в такой ситуации, видела уже, возможно, от матери. Дети копируют тех, кто для них кумир. И это страшно. Действительно страшно, что будет с этой девочкой, если сейчас ей не показать, что хорошо, а что плохо.

— Но это не я, дядя Артур, не я, — хнычет она.

— Твоей матери необходимо было следить за тобой, а она пренебрегала этим. Но с сегодняшнего дня я возьмусь за твоё воспитание, и ты станешь той, кем должна быть. Мне не нужны проблемы перед свадьбой, тем более с тобой. И вскоре отправлю тебя в какой-нибудь пансионат, чтобы именно там тебе привили хорошие манеры, — строго отчитывает её лорд Марлоу. От его голоса даже по моей спине пробегают мурашки. Закрываю на секунду глаза, заставляя себя молчать, не критиковать его, ведь именно словами он показал этому ребёнку, настолько она не нужна никому.

[Купить полную версию книги](#)